

ПИСЬМА К ПЕТЕРБУРГСКИМ И МОСКОВСКИМ ЛИТЕРАТОРАМ

Публикация Э. С. Литвина, А. Н. Дубовикова, М. В. Рыбина,
К. Н. Суворовой, Н. А. Трифонова

В обширной переписке Брюсова очень большое место занимают его письма ко многим деятелям литературы: поэтам, критикам, историкам литературы, издателям.

Эпистолярное наследие Брюсова разнообразно и разностильно. Другим и близким людям он мог раскрывать свои чувства и переживания, писать письма порой даже исповеднического характера. С адресатами публикуемых здесь писем его связывали преимущественно литературно-деловые отношения, и это определило основное содержание писем.

В настоящую подборку включены избранные письма к семи петербургским и двум московским литераторам, ранее не печатавшиеся совсем или приводившиеся только в извлечениях. Выбраны письма, в которых нашли отражение какие-либо значительные стороны литературной деятельности Брюсова, те или иные существенные черты его личности.

В ряде писем, преимущественно 1900-х годов, Брюсов выступает как организатор литературного движения, привлекающий участников и сотрудников для «Скорпиона», «Весов», «Северных цветов», позднее «Русской мысли».

Другие письма содержат сведения о работе Брюсова над своими произведениями, об издании его книг, о некоторых его неосуществленных замыслах.

Брюсов часто предстает перед нами как неутомимый пушкинист, как знаток и исследователь творчества Тютчева, как переводчик Данте, Байрона, Верхарна и других поэтов. В этом отношении интересно, например, письмо к А. Е. Грузинскому, которое как бы вводит нас в лабораторию брюсовской работы над переводом баллады Шиллера «Ивиковы журавли».

Привлекают внимание выразительные, хотя подчас и очень субъективные, отзывы Брюсова о творчестве поэтов-современников: Минского, Мережковского З. Гишпиус, Бальмонта, Сологуба, Блока, Балтрушайтиса, Городецкого, Гумилева, Северянина.

Особенно интересны для нашего читателя те письма, в которых отчетливо выступает рост критического отношения поэта к окружающей его эстетско-декадентской литературной атмосфере, к модным тогда религиозным исканиям, к символистским журналам, к другим современным модернистским направлениям, в частности к акмеизму и футуризму. Богатый материал дают, например, письма к З. Гишпиус, проникнутые подчеркнуто ироническим отношением к декадентской литературной среде, уподобляемой Брюсовым «Содому и Гоморре», и содержащие резкие оценки модернистских журналов и издательств.

Публикация заканчивается письмом советского периода к П. С. Когану; здесь мы видим Брюсова уже в качестве руководителя Литературно-художественного института, озабоченного тем, чтобы будущие литераторы получали серьезную общественно-политическую и философско-методологическую подготовку, изучая марксизм,

Письма к Н. М. Минскому, Э. И. Гржебину, П. В. Быкову, Е. В. Аничкову, С. А. Венгеру подготовила к печати Э. С. Литвин; письма к З. Н. Гишпиус — А. Н. Дубовиков, к А. Н. Чеботаревской — К. Н. Суворова, к А. Е. Грузинскому — М. В. Рыбин, к П. С. Когану — Н. А. Трифонов.

Н. М. МИНСКОМУ

Николай Максимович *Минский* (Виленкин, 1855—1937) — поэт, публицист, философ, начавший свой литературный путь в конце 1870-х годов под знаком народнической гражданственности. В 1884 г. выступил со статьей «Старинный спор», отвергавшей традиции шестидесятников и отстаивавшей индивидуализм и «чистое искусство». В своих стихах этого времени становится одним из зачинателей русского символизма. Его философский трактат «При свете совести» (1890), содержащий изложение мистико-идеалистического учения, названного «меонизмом», явился, по определению Плеханова, «евангелием от декаданса», попыткой дать теоретическое обоснование настроениям представителей «новой поэзии». Получив в 1905 г. разрешение на издание газеты «Новая жизнь», Минский под впечатлением революционных событий согласился передать ее в распоряжение большевиков, которые из цензурно-тактических соображений оставили его в качестве официального редактора. Однако, когда Минский пытался повлиять на характер литературно-философского отдела газеты и стал развивать мысль о возможности сочетания социалистических взглядов с религиозно-мистическими верованиями, большевистское ядро редакции устранило его от фактического участия в газете. После запрещения газеты Минский как редактор был привлечен к судебной ответственности по обвинению в призыве к «испровержению существующего в государстве общественного строя», но освобожден до суда под большой денежный залог и, воспользовавшись этим, эмигрировал во Францию. В 1913 г. получил разрешение вернуться в Россию. Летом 1914 г. вновь выехал на время за границу, где его застала мировая война и где он оставался и после Октябрьской революции. Живя в Лондоне, работал в 1920-х годах в советском подпредстве.

Знакомство Брюсова с Минским относится к 1898 г. (см.: *Дневники*, стр. 54). Молодому Брюсову были близки эстетические взгляды Минского. Однако впоследствии, признавая историческую роль Минского в становлении «новой поэзии», Брюсов весьма критически отзывался о его поэтическом творчестве (см.: *Далекие и близкие*, стр. 46—53).

Письма Брюсова к Минскому хранятся в ИРЛИ, ф. 39, ед. хр. 169 (5 писем, 1901—1903) и в ГБЛ, ф. 386. 70. 22а (одно письмо, 1903). Печатаемые здесь письма (ИРЛИ) — автографы. Сохранилось также 7 писем Минского к Брюсову (1902—1912) в ГБЛ и одно письмо (1904) в ИМЛИ.

1

«Москва. 23 января 1901 г.»

Многоуважаемый Николай Максимович!

Спасибо за вашу новую книгу¹. Сегодня я получил ее и сегодня же прочел, узнал всю, до конца, сколько могу: авторы обыкновенно такую поспешность в читателях осуждают. Впечатление, что здесь ваши лучшие стихи. В прошлом есть у вас более замечательные замыслы (хотя бы «Свет Правды»²), более обширные, более любопытные, — но своего *совершенства* вы достигли лишь здесь. «Волны», «Осенняя песня», все «листья», всё о тишине и море — совершенство. В «Волнах» едва ли не каждого отдельного стиха достаточно, чтобы создать новое, цельное стихотворение. И освободились вы от той небрежности стиха, которая — несмотря на все мои убеждения — смущала меня хотя бы в «Забвении и молчании»³, которая чувствуется еще в «Холодных словах»⁴, но почти во всей книге исчезла, побеждена. Читаю и буду читать эти «Новые песни» со страстью, с тем чувственным услаждением образами, звуками, красками, которому противоположить вашего бесстрастия — не умею.

Опять и опять ваш читатель (как в годы ранние, в дни юности туманной)

Валерий Брюсов

Р. С. Хотелось бы воспользоваться поводом и помянуть, что вы оставили «Скорпиону» надежду и на ваши стихи. Альманах уже печатается, но ведь вставить несколько стихотворений всегда есть возможность⁵. Участвующими определелились окончательно: Случевский, Фофанов, Бальмонт, Ф. Сологуб, П. Перцов, З. Гиппиус, Вл. Гиппиус, Ореус, Балтрушайтис, я, а в историческом отделе: Фет, К. Павлова, Вл. Соловьев, А. И. Урусов.

В

На конверте почт. шт.: Москва. 23.I.1901; Петербург. 25, I.1901.

¹ Н. М и н с к и й. Новые песни. СПб., 1901.

² «Свет Правды. Индийская легенда в стихах». — «Северный вестник», 1892, № 12.

³ «Забвение и молчание. Надпись к барельефу». — В кн.: Н. М. М и н с к и й. Стихотворения. Изд. 3-е. СПб., 1896, стр. 151—154.

⁴ «Холодные слова. Рождественская фантазия». — «Северный вестник», 1896, № 1.

⁵ Стихи Мясского в *СЦ-1901* не появились (см. *Дневники*, стр. 101).

2

⟨Москва. 11 марта⟩ 1903 ⟨г.⟩

Уважаемый Николай Максимович!

Пока я отдал в набор обе ваши статьи¹; посмотрим, сколько получится страниц, ибо счет по буквам всегда обманывает. А пропустить вторую — жаль: она интересна, важна, связана с первой. Заглавием ставлю — «О двух путях добра».

Что до вашего сборника, то ответ все тот же, который мне уже случалось вам передавать: «Скорпион» должен издать сначала *девять* уже оплаченных им книг² и начать замышленные им издания Ницше и Ибсена³, только тогда получит он свободу для новых изданий. Вместе с ежегодными «Северными цветами» это, наверно, займет года два, а то и больше. Стоит ли задумываться о таком будущем!

Ваш Валерий Б р ю с о в

На конверте почт. шт.: Москва, 11.III.1903; Петербург. 12.III.1903

¹ Напечатано в альманахе «Северные цветы на 1903 год», стр. 131—147.

² Вскоре издательство «Скорпион» осуществило свои планы. В каталоге издательства, приложенном к № 1 «Весов» за 1904 г., назван ряд книг писателей-символистов, вышедших к началу 1904 г. или выходящих в ближайшее время (среди них книги К. Бальмонта, А. Белого, В. Брюсова, З. Гиппиус, Л. Зиновьевой-Аннибал, И. Конеvского, Вяч. Иванова, Д. Мережковского, Ф. Сологуба).

³ Сочинения Ницше в издательстве «Скорпион» не выходили, хотя в каталоге на 1904 г. были объявлены под рубрикой «Готовятся к печати». Собрание сочинений Ибсена также не появилось; была издана лишь драма «Когда мы мертвые проснемся», перевод С. А. Полякова и Ю. Балтрушайтиса, 1900; 2-е изд. — 1904.

3

⟨Москва. 18 марта⟩ 1903 г.

Уважаемый и дорогой мне Николай Максимович!

В вашем письме ко мне была доля неудовольствия, словно почти обиды. Мне это очень больно. Воистину мне помнилось, что я говорил вам о «девяти изданиях». О них вы прочтете во всех новых книгах «Скорпиона», между прочим на моем сборнике писем Пушкина, который я вчера послал вам¹. «Скорпион» и так не исполняет своих обещаний перед авторами. Сологуб совсем сердится: его сборник купили год назад, а до сегодня и не начинали печатать². Друзьям Ореуса-Конеvского обещали издать его посмертный сборник (кстати — это *десятое* обещание) два года назад, а тоже

Н. М. МИНСКИЙ

Фотография Д. С. Здобнова
СПб., начало 1900-х годов
Литературный музей, Москва

еще не начинали...³ Надо же остановиться и не давать дальнейших клятв, которые дать очень хочется, но которые явно не будут исполнены.

Чтобы быть вполне откровенным, скажу, что ваше предложение и само по себе не очень прельстило нас. Как-то у предложенной вами книги не было своего *raison d'être*. Книга Мережковского иное дело. Он подводит итог своей, уже окончившейся деятельности как поэта. Вам сделать это невозможно. Вы всегда были и будете всегда гораздо более *поэтом*, чем Мережковский. Недавно в обществе читал я ваши «Волны». У Мережковского нет и не может быть ни одного подобного *стиха*, ни одной подобной *строки*. Он в стихах мыслитель, публицист, ритор. Поэтому он *мог* престать писать стихи. Вы их писать будете всегда. Зачем же вам издавать выборку из прежних стихов, и для кого? Зачем вы обрекаете кого-либо прочесть только ваши стихи о любви?

Но в наших отказах можно усмотреть нежелание «Скорпиона» издавать ваши книги. Это будет несправедливо совсем. (Говорю не от своего лица: вы один из *моих* «любимейших» поэтов, писателей; говорю от имени «Скорпиона».) Дайте нам издать любую вашу новую книгу — вы исполните одно из лучших наших желаний. Позвольте «анонсировать» рядом со сборниками Мережковского, Сологуба, Гиппиус и ваш сборник, будущую книгу новых ваших стихов⁴. Она войдет в черед изданий «Скорпиона»; и именно, вероятно, к тому дню, когда настанет время ее печатать, то есть *возможность* для «Скорпиона», — у вас соберется новых стихов на новый томик. Так к осени, к зиме 1904 года. Позвольте же.

А еще очень прошу вас, не переносите на меня своих отношений к «Скорпиону». Если я и говорю от его имени, все же я «сам по себе» существую. Что же упрекать актера, когда он повторяет реплики, назначенные ему автором.

Уважающий и преданный Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва. 18.III.1903; Петербург. 19.III.1903

¹ «Письма Пушкина и к Пушкину». Новые материалы, собр. под ред. В. Брюсова. М., «Скорпион», 1903.

² Сборник Сологуба вскоре был издан: Ф. Сологуб. Собрание стихов, кн. III—IV (1897—1903). М., «Скорпион», 1904.

³ Иван К о н е в с к о й. Стихи и проза. Посмертное собр. соч. (1894—1911). Со статьей Валерия Брюсова. М., «Скорпион», 1904.

⁴ По-видимому, Минский согласился с этим, и в каталоге издательства «Скорпион» на 1904 г. под рубрикой «Готовятся к печати» было объявлено «Собрание стихов» Н. Минского, но книга не вышла.

4

⟨Москва. 3 декабря 1903 г.⟩

Уважаемый Николай Максимович!

Особого обозревателя русской литературы в «Весах» не будет. О русских книгах будут писать все участники. Но мы очень надеемся, что вы возьмете на себя разбор книг философских, в виде ли отдельных рецензий или в виде «повременных» статей — как найдете удобным. И, конечно, — об этом мы уже не говорим — мы были бы очень рады, если бы вы дали нам и отдельную, самостоятельную статью ¹.

Ваш Валерий Брюсов

1903, декабрь

На конверте почт. шт.: Москва. 3.XII.1903; Петербург. 4.XII.1903.

К письму приложен печатный анонс о выходе в 1904 г. журнала «Весь», в числе сотрудников журнала назван и Н. Минский.

¹ Ня «самостоятельная» статья Минского, ни его рецензии в «Весах» за 1904 г. не печатались. Лишь в номере 12 за 1904 г. было дано изложение лекции Минского «Нравственная проблема наших дней», прочитанной 13 ноября 1904 г. в Петербурге, в аудитории Тенишевского училища, с примечанием: «Изложена по подлинной рукописи автора» (стр. 46—47).

З. И. Г Р Ж Е Б И Н У

Зиновий Исаевич *Гржебин* (1868—1929) — художник. позднее занялся издательской деятельностью. Был одним из организаторов издательства «Шиповник» (1906—1918), возглавлял издательство «Пантеон» (1907—1910), затем участвовал в работе издательства «Парус» (1916—1918). В 20-х годах продолжал издательскую деятельность за границей, в Берлине. В 1918 г. Гржебину, организовавшему собственное издательство, были переданы «Парусом» рукописи Брюсова, подготовленные для собрания сочинений в 10 томах. «Издание не осуществилось, но надежда на его появление была полная», — вспоминает И. М. Брюсова (см.: И. М. Брюсова. Материалы к биографии Валерия Брюсова. — В кн.: *Избр. стихи 1933*, стр. 145).

Письма Брюсова к Гржебину хранятся в ИРЛИ, ф. 444, ед. хр. 36 (2 письма, 1908—1910) и в ГБЛ, ф. 386. 71. 2 (2 письма, 1916 и б. д.). Первое из печатаемых здесь писем (ИРЛИ) — автограф, второе — машинопись с автографической подписью. В архиве Брюсова (ГБЛ) сохранилось также 29 писем Гржебина к нему (1906—1915).

1

⟨Москва.⟩ 25 января 1908 г.

Многоуважаемый Зиновий Исаевич!

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Перевод «Филиппа II» подвигается вперед довольно медленно. Мою первоначальную мысль — сделать перевод белыми стихами — я должен был после опыта

и размышления оставить. Теперь я перевожу трагедию стихами рифмованными, что много труднее. Боюсь даже приблизительно указать время, когда возможно будет доставить вам рукопись. Это зависит не столько от «усердия» переводчика, сколько от удачи и от того расположения духа, которое в высшем его проявлении называют вдохновением. Хочу только заверить вас, что работа идет, и почти каждый день прибавляет к переводу тот или иной отрывок¹.

Мне хотелось бы знать, писали ли вы Верхарну о авторизации моего перевода? Для меня такая авторизация была бы очень важна. Как мы уговаривались с вами, я согласен получить за этот перевод гонорар по 75 р. с листа. Так как в трагедии, кроме прозы, более 700 стихов, гонорар этот очень невысок, и я думаю, что издательство могло бы даже предложить какую-либо небольшую сумму Верхарну за авторизацию.

Что касается «Франчески», то она все в том же положении. Я до сих пор не могу добиться от Вячеслава Иванова ответа, согласен ли он, чтобы все остающиеся сцены перевел я. Как только я получу это согласие, я dokonчу перевод и вышлю вам рукопись².

Перевод Вилье де Лиль Адана подходит к концу³.

Из доставленного вами мне проспекта «Пантеона»⁴ я вижу, что вы вели переговоры с некоторыми лицами о переводах с французского, помимо меня. Полагаю, что практика дела непобедимо покажет, что такой порядок вещей вполне естественен. Такое предприятие, как «Пантеон», требует централизации, и я нахожу справедливым, чтобы все нити его были сосредоточены в ваших руках. Позвольте же мне с этих пор считать себя только сотрудником «Пантеона» и в этом смысле написать ответ всем, обращавшимся ко мне как к «редактору» французского отдела. Верьте, что это не нарушит несколько моих добрых отношений с издательством⁵.

Очень рад, что вам пришлось по душе моя поэма⁶. Благодарю вас за присылку мне сборника «Театр» и оттисков моей статьи⁷. Должен ли я за гонораром (за эту статью) обратиться в магазин Гуревича (и тогда какова причитающаяся мне сумма?) или гонорар будет мне выслан непосредственно из Петербурга?

Душевно ваш Валерий Брюсов

P. S. На днях обратится к вам некто г. Эфрос, молодой человек, сделавший новый перевод «Песни песней» — с еврейского подлинника, сохранив особенности напева. Мне этот опыт показался удачным. Не подойдет ли он для «Пантеона»?⁸

В. Б.

¹ Драма Верхарна «Филипп II» в переводе Брюсова была анонсирована в проспекте издательства «Пантеон», но не появилась. О работе Брюсова над переводом этой драмы см. наст. том, стр. 571-573.

² Г. Д'Аннуцио. Франческа да Римини. Перевод с итальянского В. Брюсова и В. Иванова. Предисл. «Герои Д'Аннуцио в истории» В. Брюсова. СПб., «Пантеон», 1908. См. переписку Брюсова с Вяч. Ивановым в наст. томе, стр. 509—511.

³ Вилье де Лиль Адан. Жестокые рассказы. Перевод Б. Рунт, под ред. и с предисл. В. Брюсова. СПб., «Пантеон», 1909.

⁴ Проспект книгоиздательства «Пантеон» вышел отдельной брошюрой в 1908 г.

⁵ 31 октября 1907 г. З. И. Гржебин, извещая Брюсова об организации издательства «Пантеон», которое будет существенно отличаться от «Шиповника», писал: «Очень прошу вас всю Францию взять на себя» (ГБЛ, ф. 386. 84. 2). 11 февраля 1908 г., отвечая на публикуемое письмо Брюсова к нему, Гржебин оправдывался: «Искренне пишу вам, что вы как редактор французского отдела делу крайне необходимы. Но положение Пантеона в настоящее время не таково, чтобы мы могли решиться на это. У нас просто средств нет сейчас <...> Я не могу платить вам как редактору...» (там же).

⁶ Поэма Брюсова «Исполненное обещание» (альманах «Шиповник», кн. IV. СПб., 1908).

¹ В. Брюсов. Реализм и условность на сцене.— В сб.: «Театр. Книга о новом театре». СПб., «Шиповник», 1908.

² «Песнь песней Соломона». Перевод в стихах с древнеевр. и примеч. А. Эфроса. СПб., «Пантеон», 1909.

2

Москва, 3 февраля 1910

Многоуважаемый Зиновий Исаевич!

Я очень рад, что «Пантеон» оживает, и особенно буду рад (повторяю то, что говорил не раз), если мне представится возможность работать для него. С самого начала я приветствовал *идею* «Пантеона», и мне было грустно, что в своей деятельности он не всегда проводил ее последовательно ¹. Благодарю вас за все ваши сообщения о ваших намерениях и постараюсь ответить вам на все ваши вопросы настолько подробно, насколько это возможно в письме.

1) «Пушкин» и «Бодлер» ². Эти две работы я обещал М. С. Фарбману ³. Обе они мне по сердцу, и я охотно принялся бы за них в ближайшем будущем. Но думаю, что издание этих книг надо уже приурочить к осени. Издать их к весне — трудно, а выпускать в свет летом, как злополучных «Лириков» ⁴, решительно не стоит. Однако готовить обе книги (например, заказывать переводы) пора уже теперь. Через несколько дней я пришлю вам новый, подробно разработанный план этих изданий. Но, разумеется, осуществление их зависит прежде всего от денежных средств, которыми располагает «Пантеон». Я предполагаю, что гонорар по каждой из этих книг (12—13 листов) достигнет 500—600 рублей. Притом часть этого гонорара надо будет выплатить вперед, так как невозможно, например, заставлять переводчиков ждать несколько месяцев.

2) «Средневековая новелла». Я плохой знаток средневековой литературы. Однако кое-что в ней все же смыслю. Поэтому, если вы очень настаиваете, готов перевести для вашего издания одну или две новеллы. В свое время я восхищался «Гептамероном», у меня есть хорошее издание этой книги, есть грамматика и словарь старофранцузского языка. Итак, если хотите, я переведу для вас несколько страниц «Гептамерона» ⁵. Укажите только, какие новеллы вам желательны. (Кстати сказать, «Гептамерон» написан, конечно, не в Средние века, а в эпоху Возрождения, но я принимаю ваш термин в ходячем смысле, по которому моего «Огненного ангела» все критики упорно называют «Средневековой повестью».)

3) «Любовная лирика XVIII века». Замысел книги, безусловно, интересен, но думаю, что выполнить его будет не легко. Очень уж мало изучена эта область до сих пор. Сообщите, пожалуйста, все ли переводы исполнены г-жей Верховской? ⁶ Если нет, я пришлю свой перевод одного стихотворения, взятого мною из известного издания «Galante Gedichte aus der deutschen Barockzeit, herausgegeben von Franz Blei» * (начало XVIII века).

4) Очень одобряю издание Новалиса ⁷ и «Фиаметты» ⁸. Что до «Петера Шлемиля» ⁹, то боюсь, не скучноват ли он. К тому же он был уже дважды (если не ошибаюсь) переведен на русский язык, и не так давно. Впрочем, конечно, исторически это значительное произведение.

5) Вы меня не пригласаете участвовать в издании Флобера. И вы правы, потому что для таких работ у меня совершенно нет времени. Но вот в чем дело. Нередко ко мне обращаются молодые писатели, прося указать какую-нибудь работу. Я их обыкновенно направляю в «Пользу» (Уни-

* «Галантные стихотворения времен немецкого Барокко, издал Франц Блей» (нем.).

версальная библиотека)¹⁰, в которой и издано несколько рекомендованных мною переводов. Однако я чувствую некоторую неловкость этого, так как сам не нашел времени ничего перевести для «Полюзы», несмотря на свои неоднократные обещания. Не найдется ли теперь в предпринимаемом вами издании Флобера таких частей, которые вы могли бы предоставить моим протеже, причем за достоинства перевода я, конечно, ручался бы? И еще вопрос: напечатаете ли вы переводы Тургенева «Юлиана» и «Иродиады»? Соблазнительно потягаться с Тургеневым, но и опасно...

Ваш всегда Валерий Брюсов

Р. С. А 10 экз. «Лириков» я так и не получил.

¹ В проспекте «Пантеона» (1908) основная задача издательства определялась следующим образом: «Цель книгоиздательства (...) — собрать шедевры мировой литературы и сделать их достоянием русского читателя (...) «Пантеон» составит Библиотеку мировой литературы в ее самых характерных проявлениях...»

В № 11 «Весов» за 1908 г. Брюсов поместил заметку «Пантеон», подписанную: М. П. Признавая, что проспект издательства содержит «проекты интереснейших книжек», Брюсов отмечал, что «осуществление, к сожалению, слабее (...) Книжек издано меньше десяти», и что подбор выпущенных книг «не кажется (...) систематическим» (стр. 66—67)

² Ни сборник произведений Пушкина, ни сборник стихов Бодлера в издательстве «Пантеон» не вых. дили.

³ Михаил Семенович *Фарбман* (1880—1933) — сотрудник издательства «Пантеон», доверенное лицо Гржебина

⁴ «Французские лирики XIX века». Перевод в стихах и библиографические примечания Валерия Брюсова. СПб., «Пантеон», 1909.

⁵ «Гептамерон» — сборник новелл королевы Маргариты Наваррской (1492—1549). Сборник «Средневековая новелла» не был издан «Пантеоном».

⁶ Речь идет о кн.: «Сборник любовной лирики XVIII века». С библиографическими примечаниями Анны Веселовской. СПб., «Пантеон», 1910. В письме Гржебина Брюсову, содержащем сообщение об этой книге, не указывалось, что в антологию входят произведения только русских поэтов. Это дало Брюсову повод предложить свои переводы. Гржебин в письме назвал составительницу сборника Верховской (см. ГБЛ, ф. 386. 84. 2).

⁷ *Новалис* (Фридрих фон Харденберг, 1772—1801) — немецкий поэт-романтик.

⁸ «Фиаметта» (написана в 1343 г., издана в 1472 г.) — ранняя автобиографическая повесть Джовани Боккаччо (1313—1375).

⁹ Фантастическая повесть «Необычайные приключения Петера Шлемия» (1814) Адельберта фон Шамиссо (1781—1838), немецкого писателя-романтика.

¹⁰ Издательство «Полюза» в Москве (владелец В. Антик) выпускало серию «Универсальная библиотека», «цель которой дать русским читателям лучшие образцы мировой литературы за самую дешевую цену» (Каталог издательства «Полюза», 1912 г.) Под редакцией и с предисловиями Брюсова были изданы следующие выпуски этой серии: Вилье де Лиль Адан. Жестокие рассказы. Перевод Б. Рунт. М., 1909; Э р к м а н-Ш а т р и а н. Рейнские рассказы. Перевод с франц. Б. Рунт. М., 1910; А. де Р е н ь е. Первая страсть. Роман. Перевод с франц. Б. Рунт. М., 1910; Л. Д е л а р ю-М а р д р ю с. Иступленная. Роман. Перевод с франц. Н. Петровской. М., 1912. Позднее в той же серии были изданы собственные произведения Брюсова: «Обручение Даши. Повесть из жизни 60-х годов». М., 1915; «Избранные стихи. 1897—1915 гг.». М., 1915; «Рея Сильвия. Элули сын Элули». М., 1916, а также: Э. В е р х а р н. Собрание стихов. Перевод и предисл. Брюсова, 1915; 2 изд.— 1917.

П. В. БЫКОВУ

Петр Васильевич *Быков* (1843—1930) — библиограф, беллетрист, историк литературы, редактор выходивших в издательстве А. Ф. Маркса собраний сочинений русских писателей (Тютчева, Лермонтова, Лескова, Станюковича, Шеллера-Михайлова и др.). В 1909 г. Быков обратился к Брюсову с просьбой написать очерк о жизни и творчестве Тютчева для нового издания сочинений поэта. Брюсов сначала отказался от этой работы, но после вторичного настойчивого обращения Быкова, который считал его лучшим знатоком биографии Тютчева, дал свое согласие. Критико-биографический очерк о Тютчеве был напечатан в кн.: Ф. И. Т ю т ч е в. Полн. собр. соч. СПб., изд.

А. Ф. Маркса, <1912>, стр. VII—XLVII. О научном значении этой и других работ Брюсова о Тютчеве см. в кн.: Е. П. Тихачева. Брюсов о русских поэтах XIX века. Ереван, «Айастан», 1973, стр. 5—42.

Письма Брюсова к Быкову хранятся в ИРЛИ, ф. 273, оп. 1, ед. хр. 709 (5 писем, 1910), в ГБЛ, ф. 386.70.15 (одно письмо, 1910), в ГПБ, ф. 118, ед. хр. 246 (одно письмо, 1909). Из публикуемых здесь писем п. 1 (ГПБ) и 3 (ИРЛИ) — автографы, п. 2 (ИРЛИ) — машинопись. В архиве Брюсова (ГБЛ) сохранились также 14 писем Быкова к нему (1909—1910).

1

15 ноября 1909. (Москва, Цветной, 24)

Многоуважаемый Петр Васильевич!

Вы пишете с такой убедительностью, что у меня нет сил настаивать на своем отказе, как говорится, «принципиально»¹. Но я искренно боюсь, что мое участие будет затруднением для вашего издания. Дело в том, что я никак не могу приняться за работу по биографии Тютчева раньше самого конца декабря. Ближайшие недели я должен посвятить Пушкину, так как давно обещал С. А. Венгерову две статьи для следующего тома его издания². Таким образом, в самом лучшем случае я не смогу доставить вам свой биографический очерк раньше середины января 1910 г. Притом нового сказать о жизни Тютчева и о его поэзии мне нечего. Я принужден буду повторять свои статьи из «Русского архива»³ и «Нового пути»⁴ и свой очерк, приложенный к портрету, изданному г. Кнебелем⁵. Конечно, на Тютчева, как поэта, у меня есть свои взгляды, сколько мне кажется вполне самостоятельные, но они столь спорны, что им решительно не место в предисловии к собранию сочинений поэта. Неуместно было бы мое личное понимание Тютчева ставить между ним и его читателями. Этим читателям нужен Тютчев, а не я...

Обдумайте все эти мои доводы, многоуважаемый Петр Васильевич. Может быть, вы в конце концов согласитесь, что критико-биографический очерк для вашего издания лучше написать не мне, а кому-либо другому.

Искренно вас уважающий Валерий Брюсов

¹ Письма Быкова к Брюсову (от 22 августа и 4 ноября 1909 г.), содержащие просьбу написать очерк о Тютчеве, приведены в упомянутой выше книге Е. П. Тихачевой «Брюсов о русских поэтах XIX века», стр. 29.

² «Неоконченные повести из русской жизни» и «Египетские ночи». См.: Собр. соч. Пушкина под ред. С. А. Венгерова, т. IV. СПб., 1910, стр. 264—270 и 444—449.

³ Важнейшая из этих работ — «Ф. И. Тютчев. Летопись его жизни» (РА, 1903, № 11, стр. 481—498; № 12, стр. 642—652; 1906, № 10, стр. 310—320).

⁴ Легенда о Тютчеве. — «Новый путь», 1903, № 11, стр. 15—30.

⁵ «Портреты русских писателей. Ф. И. Тютчев. Биографический очерк Валерия Брюсова». М., изд. И. Н. Кнебеля, 1906.

2

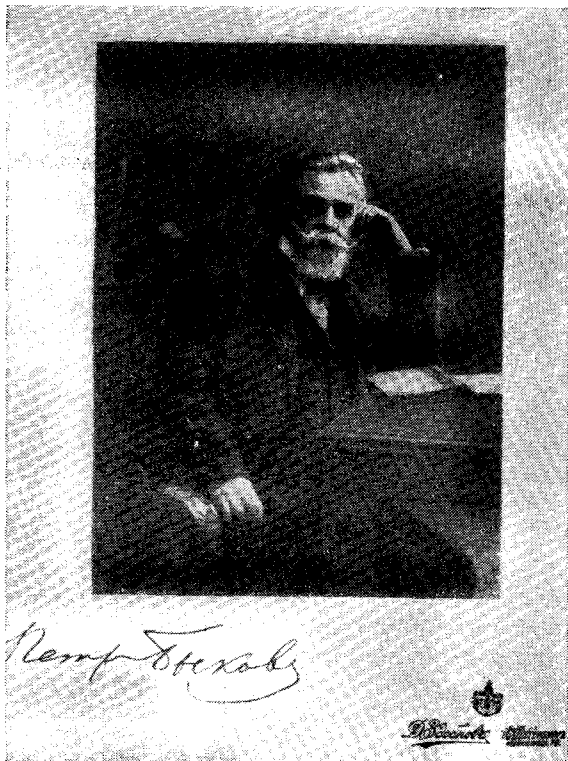
Москва. 5 мая 1910 г.

Многоуважаемый Петр Васильевич!

Согласно с вашим желанием, я передал «Урагию»¹ П. И. Бартеневу². Он, однако, нашел нужным запросить Тютчевых, позволяют ли они перепечатать эти стихи в «Русском архиве». Тютчевы в таком позволении отказали, ссылаясь на то, что право издания ими передано Марксу. Как ни убеждал я Петра Ивановича, что у него есть и нравственное и юридическое право перепечатать в историческом издании стихи из всеми забытой брошюры, он остался непреклонным. Мне остается только вернуть вам вашу рукопись.

П. В. БЫКОВ

Фотография, 1900-е годы

Центральный архив литературы и
искусства СССР, Москва

Очень благодарю вас за присылку корректур вашего издания. Я их просмотрел, сколько то мне позволяли разные мои занятия. Не сумею сделать вам никаких других указаний, кроме того одного, которое, кажется, уже было мною сделано в одном письме. Именно, что в «Послании в ответ на «Оду на вольность» стих 11 надо читать:

Вещать царям оцепенелым...

Этого требует смысл, в виду предыдущего стиха:

Забыв их сан, забыв их трон...

Какой «сан», какой «трон» может быть у «сердец»? ³ Я мог бы еще возразить против порядка, в котором стихотворения расположены. Так, пьесы «Еще земли печален вид», «Сумерки», «Как птичка раннею зарей», судя по их стиху, относятся не к самому первому периоду творчества Тютчева; между тем у вас они стоят раньше стихов «Декабристам», то есть раньше 1825 г. Впрочем, я хорошо знаю, как трудно восстановить хронологию ранних стихов Тютчева ⁴.

Над своей статьей ⁵ я работаю усиленно. Мне уже совестно вновь давать обещания после того, как я их столько раз не исполнял, но все же должен сказать, что начало ее надеюсь вам выслать в начале будущей недели...

С глубоким уважением Валерий Брюсов

¹ «Уралия» — раннее стихотворение Тютчева, прочитанное на торжественном собрании Московского университета и опубликованное в издании «Речи и отчеты Московского университета за 1820 год». Впервые включено в собрание стихотворений Тютчева П. В. Быков в.м.

² О П. И. Бартенева см. наст. том, стр. 629—630.

³ Автограф «Послания» не сохранился. В шестом издании полного собрания сочинений Тютчева под ред. Быкова (1912) 11-я строка была напечатана в том варианте, против которого возражал Брюсов: «Вещать сердцам оцепенелым». В седьмом издании и в издании, являющемся приложением в «Ниве» (1913), эта строка читалась «Вещать тиранам закоснелым». Однако в последнем, восьмом издании А. Ф. Маркса (Пг., б/г.) Быков принял поправку, ранее предложенную Брюсовым, и напечатал: «Вещать царям оцепенелым». В советских изданиях принят текст «Вещать тиранам закоснелым» (см., например: Ф. И. Тютчев. Стихотворения. Письма. М., 1957, стр. 38).

⁴ В издании под ред. Быкова политическая лирика Тютчева была выделена в особый раздел и необходимость хронологического соотнесения стихотворения «Декабристам» с другими произведениями, о чем писал Брюсов, отпала. В советских изданиях стихотворения, перечисленные Брюсовым, относятся к произведениям, написанным не позднее 1836 г.

⁵ Над критико-биографическим очерком «Ф. И. Тютчев».

3

Москва. 19 $\frac{30}{X}$ 10 г.

Многоуважаемый и дорогой Петр Васильевич!

Благодарю вас за ваши хлопоты по высылке мне гонорара за мой очерк о Тютчеве. Но контора Печковской, которой было поручено в Москве уплатить мне этот гонорар, потребовала с меня расписку, в которой значилось, что я уступил этот очерк издательству А. Ф. Маркса «в полную литературную собственность». Как вы знаете, такого условия не существовало в тех переговорах, которые мы с вами вели. Я никому не хочу уступать свои статьи в полную собственность, потому что намерен перепечатывать их в различных своих книгах. Все литературные права на свой критико-библиографический очерк Тютчева я сохраняю за собой и всегда думал, что уступаю его для вашего издания на тех же условиях, на каких статью обычно уступают журналу, то есть для однократного напечатания. Я мог бы (во всяком случае оставив за собою право включать статью в свои книги) предоставить издательству перепечатывание статьи в последующих изданиях Тютчева, с тем, однако, чтобы она каждый раз вновь представлялась мне на пересмотр, причем считал бы справедливым, чтобы за каждое новое издание я получал гонорар особо, хотя бы и не в том размере, как за первое издание, а по новому соглашению.

Простите, дорогой Петр Васильевич, что я принужден удручать вас такими деловыми рассуждениями. Но для меня расписка, предложенная издательством, была полной неожиданностью, и мне не к кому обратиться за объяснениями как к вам ¹.

Вы меня очень обрадовали вашим последним письмом, и я надеюсь, что издание Тютчева пойдет далее вполне успешно.

Сердечно ваш Валерий Брюсов

Мой адрес: 1-я Мещанская, 32, Москва

¹ К этой теме о сохранении литературных прав на свою статью Брюсов возвращается и в следующем письме к Быкову, от 3 ноября 1910 г.

Е. В. АНИЧКОВУ

Евгений Васильевич *Аничков* (1866—1937) — историк литературы, фольклорист, критик, приват-доцент Киевского, а затем Петербургского университетов, один из организаторов Русской высшей школы в Париже, биограф Н. А. Добролюбова и редактор собрания его сочинений (1912—1913). После 1917 г. — эмигрант. В своих критических работах о современной литературе благожелательно отзывался о творчестве символистов, особенно Бальмонта и Брюсова (см.: Е. Аничков. Литературные об-

разы и мнения. СПб., 1904). В 1910 г. по поручению петербургского издательства «Деятель» Аничков предложил Брюсову подготовку нового собрания сочинений Пушкина. Брюсов, воодушевленный опытом работы над Пушкиным для венгеровского издания, дал свое согласие. Он писал Аничкову 3 декабря 1910 г.: «... возможность дать Пушкина совершенно по своему, мною самим обдуманному плану — настолько заманчива, что я готов на риск большой ответственности и перед издателями и перед обществом (что для меня важнее и страшнее), и на тяготу большой работы, необходимой для того, чтобы томы поспевали вовремя и чтобы все издание было закончено в сравнительно небольшой срок». Брюсов с 1910 по 1913 г. занимался биографией и текстологией Пушкина, однако издание не состоялось. Подготовленные для него материалы были использованы Брюсовым уже после Октябрьской революции, когда он выпустил первую часть первого тома Полного собрания сочинений Пушкина. О пушкиноведческих работах Брюсова см. статью Э. С. Литвин «В. Я. Брюсов о Пушкине» (*Чтения 1963*).

Письма Брюсова к Аничкову хранятся в ИРЛИ, ф. Р-1, оп. 2, ед. хр. 115, и ф. 123, ед. хр. 2 (20 писем, 1906—1913), в ЦГАЛИ, ф. 1008, оп. 1, ед. хр. 3, и в составе коллекции Ю. Г. Оксмана (5 писем, 1906—1910) и в ГБЛ, ф. 386. 69.21 (одно письмо, 1913). Большая часть их связана с изданием Пушкина. Печатаемые здесь письма 1, 3 и 4 — автографы, письмо 2 — машинопись (все из ИРЛИ). В архиве Брюсова (ГБЛ) сохранилось также 26 писем Аничкова к нему (1906—1910); одно письмо (1910) — в ИРЛИ, ф. 444, ед. хр. 49.

1

«Москва.» 28 января 1911

Многоуважаемый Евгений Васильевич!

Бога ради, объясните издателям, что я *не могу* продавать ни одной своей строки в полную и неотъемлемую собственность кого бы то ни было. Речь идет почти что исключительно о принципе. Почти наверное я, даже если буду издавать «*Полное собрание своих сочинений*», не включу в него своего биографического очерка Пушкина, не говоря уже о примечаниях, которые без текста не имеют смысла. Кроме того, мною написано уже теперь свыше 20 томов! Что в этой массе будут значить 2—3 листа очерка о Пушкине! Наконец, я *обязуюсь* не перепечатывать *ничего* в течение 5 лет со дня выхода *последнего* тома вашего издания. Помилуй боже, разве это не достаточные гарантии? Но все мною написанное я *должен* сохранить в своей собственности¹.

Работа над Пушкиным у меня подвигается. Скоро я сумею сообщить вам со всей точностью сроки, в какие буду вам сдавать приготовленные части. Сейчас пишу историю текста и работаю над биографией. Будут ли в издании рисунки и какие?

О венгеровском Пушкине в «Русской мысли» хочет писать «сам» П. Б. Струве. Поэтому к нему вам и надлежит обратиться с вопросом, возможна ли рядом ваша рецензия (Струве будет больше писать «по поводу») ²

Ваш Валерий Брюсов

¹ Насколько важно было для Брюсова сохранить за собой право на все им написанное, видно также из более раннего письма тому же адресату, в котором Брюсов, познакомившись с условиями издательства, писал: «Я готов отказаться от перепечатки своего критико-биографического очерка жизни Пушкина и своих примечаний в различных отдельных изданиях своих статей. Но я решительно не могу отказаться от всяких литературных прав на то, что пишу. Все мои писания, значительные и незначительные, в конце концов должны возвратиться в мою собственность» (начало декабря 1910 г. — ЦГАЛИ, ф. 1008, оп. 1, ед. хр. 3, л. 4).

² Ни статья П. Б. Струве о венгеровском издании Пушкина, ни рецензия Аничкова в «Русской мысли» не появились.

2

«Москва.» 18 октября 1912 г.

Многоуважаемый Евгений Васильевич!

Почти не нахожу слов, чтобы не оправдать, а сколько-нибудь объяснить свое поведение перед вами и издательством. Могу привести только два довода, которые хоть немного объяснят вам мою медлительность. Во-первых, я всю эту зиму не мог освободиться от работы над своей повестью «Алтарь Победы», работы, которая против моего ожидания, отнимала у меня много времени. Хотя повесть была написана сравнительно давно, для каждой книги журнала приходилось обрабатывать ее главы почти заново¹. Разумеется, это не может служить никаким оправданием для издательства, перед которым я взял на себя известные обязательства. Но вам это объяснит мою медленность и позволит поверить, что теперь, когда моя повесть закончена, я буду иметь возможность со всею интенсивностью взяться за Пушкина. Во-вторых, самая работа над изданием Пушкина все же оказалась гораздо более сложной, чем я ожидал. Конечно, я с самого начала предвидел всевозможные затруднения, особенно в 1 томе, куда входят стихи, текст которых наименее выработан. Но, работая над этим томом (верьте, что я работал всю зиму), я столкнулся с *тысячами* недоразумений, нерешенных вопросов, невыясненных обстоятельств, которые раньше мне не были известны.

Во всяком случае, если вы и издательство столь великодушны, что все еще оставляете эту работу за мною, я теперь посвящу себя, кроме работы по редакции, *исключительно* Пушкину и не предприму ничего значительного, пока этого дела не закончу. 1 том был подготовлен мною к печати *еще весной*. Остается только решить некоторые второстепенные вопросы и, главное, написать биографию. Последнее особенно затрудняет меня по причинам, которые я в свое время излагал вам. Но, конечно, я постараюсь одолеть эти затруднения и, при всей невозможности в наше время дать настоящую биографию Пушкина, дам хотя бы обстоятельный ее очерк. Уверен, что в течение 4—5 недель рукопись 1 тома будет в ваших руках. Остальное готовить к печати будет *гораздо легче* и, после 1 тома, следующие я буду доставлять вам в любые сроки, какие вы сами захотите мне назначить.

Уважающий вас Валерий Брюсов

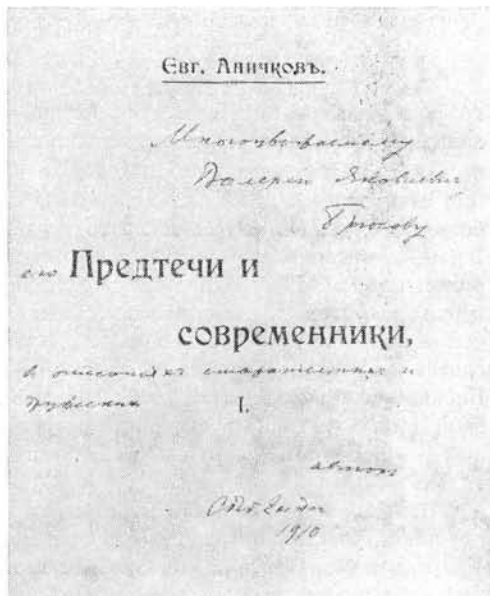
¹ Повесть печаталась в «Русской мысли», 1911, № 9, 11, 12, и 1912, № 1—6, 8—10.

3

«Москва.» 27 декабря 1912

Многоуважаемый Евгений Васильевич!

Работая над Пушкиным, я остановился сейчас над вопросом, как относиться к вариантам. Из того образца моих «примечаний», которые я вам послал, вы могли видеть, что я привожу лишь «важнейшие»¹. Но, во-первых, деление на «важнейшие» и «менее важные» — крайне зыбко; во-вторых, моя любовь к каждой строке Пушкина побуждает меня включать в число «важнейших» вариантов едва ли не все. Через это примечания становятся громоздкими и обширными. Боюсь, что для вашего издания этого не нужно. Оно назначено для чтения, а не для научного изучения Пушкина (так?). Кроме того, значительное число приводимых вариантов потребовало бы нумерации стихов (иначе невозможно разыскивать разночтения), а это придало бы изданию вид педантический. Сам я начинаю склоняться к тому мнению, что число даваемых вариантов надо свести до *minimum*, т. е. приводить лишь сильно переработанные отрывки, и притом представляющие

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ Е. В. АНИЧКОВА

на книге «Предтечи и современники». СПб., 1910: «Многоуважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову его «предтечи и современники», в описаниях старательных и дружеских, автор. СПб., 2-ое дек. 1910»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

нечто цельное, или же разночтения, важные в биографическом отношении. В таком духе я готов переработать уже написанные примечания и вести их дальше. Но в этом случае мне особенно важно ваше решение. Если вы предпочитаете, чтобы собрание вариантов было более или менее полное, — я сделаю так. Если же вы согласны со мной, что для вашего издания предпочтительнее самый строгий выбор разночтений, — я займусь таким отбором. Жду вашего ответа.

Ваш Валерий Брюсов

¹ Образец примечаний Брюсова для этого издания не сохранился.

4

⟨Москва.⟩ 15.I.13

Многоуважаемый Евгений Васильевич!

По-прежнему я очень жду *верстки* первых корректур Пушкина. Сообразно с внешним видом листов, я должен сделать некоторые изменения в дальнейшем материале (разделение стихов на строфы etc). У меня вполне готовы годы 1815 и 1816, и я их вам вышлю тотчас, как получу первые листы сверстанными. Примечания заново переделываю согласно с вашими указаниями, то есть варианты ставлю отдельно, а собственно примечания придаю другую форму. — Я всегда знал, что издание Пушкина — дело трудное. Но, сознаюсь вам, что если бы я предвидел, в какой мере оно трудно, сложно и кропотливо, я никогда не взялся бы за него. Но *alea jacta est* *, и я свой труд продолжаю. Труднейшее — в начале, дальше будет легче.

Ваш Валерий Брюсов

* жребий брошен (лат.).

С. А. ВЕНГЕРОВУ

Семен Афанасьевич *Венгеров* (1855—1920) — историк литературы, критик, библиограф. Издавал «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. От начала русской образованности до наших дней» (т. 1—6, 1886—1904; издание не закончено). Руководил изданием «Библиотеки великих писателей» фирмы Брокгауз-Ефрон, был одним из редакторов энциклопедического словаря той же фирмы, возглавлял работу над изданием «Русская литература XX века» (СПб., изд. «Мир», 1914—1916). В 1908 г. организовал пушкинский семинарий при Петербургском университете. Был организатором (1917) и первым директором Российской книжной палаты. Одним из первых деятелей академической науки признал художественные достижения и историческое значение русского модернизма. В статье «Победители или побежденные» (Послесловие к публичной лекции «Основные черты истории новейшей русской литературы». Библиотека «Светоч». СПб., 1909) Венгеров писал о том, что модернизм соединяет в себе исконные традиции русской литературы с естественным исканием новых литературных форм. Большое место заняли декаденты и символисты в книге «Русская литература XX века».

Начиная с 1903 г. и до самой смерти Венгерова Брюсов был его постоянным сотрудником, участником ряда его литературных и библиографических работ: переводил Байрона и Мольера для «Библиотеки великих писателей», работал в Румянцевском музее над рукописями Пушкина и написал несколько небольших исследований о жизни и творчестве Пушкина для венгеровского издания; ему принадлежит также ряд статей в «Новом энциклопедическом словаре» и главы о Блоке, Коневском, Гиппиус в «Русской литературе XX века». Сотрудничество Брюсова с Венгеровым продолжалось и после Октябрьской революции. В 1917—1918 гг. Брюсов заведовал Московским отделением Российской книжной палаты и всеми силами старался помочь Венгерову в трудных условиях тех лет наладить дело государственной регистрации произведений печати.

С Венгеровым Брюсова связывало не только постоянное деловое сотрудничество, но и укреплявшиеся с годами общность интересов и чувство личной симпатии. Их объединяли фанатическая преданность литературе, необычайная широта литературного кругозора, преклонение перед Пушкиным и Данте, интерес к кропотливым библиографическим разысканиям, наконец, поразительное трудолюбие. Брюсовым был написан некролог Венгерова (см.: «Художественное слово», кн. 2, 1920).

И по количеству писем, и по богатству содержания переписка с Венгеровым выделяется среди других писем Брюсова к литераторам несимволистского лагеря. Обширность этой переписки и актуальность затронутых в ней тем (история издания Пушкина, проблемы художественного перевода, политические воззрения и литературные оценки Брюсова) давно привлекали внимание советских исследователей, и многие письма публиковались полностью, либо в отрывках. 70 писем, касающихся издания Пушкина, поместил Н. Л. Степанов в 1 томе «Литературного архива» (М.—Л., 1938 стр. 304—351). Несколько писем напечатал в сборнике «Мастерство перевода» Н. Соколов (М., 1959, стр. 368—388). Цитаты из отдельных писем приводились в работах ряда советских литературоведов. Но при выделении отдельных тем (Брюсов-переводчик, Брюсов-пушкинист, Брюсов о судьбах «новой поэзии» и т. д.) разрушалась целостность письма, исчезала характерная для Брюсова многосторонность интересов. Поэтому некоторые письма, известные до сих пор в отрывках, печатаются нами полностью (п. 2—5). Письма 1 и 6—11 до сих пор в печати не появлялись.

Письма Брюсова к Венгерову хранятся в ИРЛИ, ф. 377, № 1—4 (168 писем, 1900—1918), в ЦГАЛИ, ф. 113, оп. 1, ед. хр. 8 (5 писем, 1915) и в ГБЛ, ф. 386.70.18 (5 писем, 1909—1918). Печатаемые здесь письма 1—9 (ИРЛИ) и 10—11 (ЦГАЛИ) — автографы. В ИРЛИ, ф. 444, ед. хр. 51—54, сохранились также 95 писем Венгерова к Брюсову (1903—1916).

С. А. ВЕНГЕРОВ

Офорт

С дарственной надписью:
«Николаю Михайловичу Лисовскому,
старому приятелю и собрату.
С. Венгеров»

Литературный музей, Москва

1

«Москва.» 1904. Ноябрь.

Многоуважаемый Семен Афанасьевич!

Извиняюсь, что отвечаю с промедлением. Но тотчас по получении вашего письма я написал Ю. Балтрушайтису¹ (Firenze, Fiesole, villino Ter-gazza), прося его немедленно известить вас телеграммой о своем окончательном решении. Я знаю Юргиса Казимировича как человека легко увлекающегося, быть может и склонного с преувеличенной легкостью давать обещания, — но всегда очень строго относящегося к принятым на себя обязательствам, особенно литературным. Ни «Скорпиону», ни Саблину, ни Скирмунту², с которым он работал, не приходилось в этом отношении жаловаться на него. С другой стороны, чисто личные обстоятельства жизни выбили его за последние месяцы из колеи и могли заставить его быть несправным, особенно в таком деле, как стихотворный, то есть все-таки «творческий» перевод.

Что до меня, я с большим удовольствием перевел бы несколько стихотворений из «Часов досуга»³. На днях перечитаю эти стихи и тотчас сообщу вам, какие пьесы мне хотелось бы оставить за собой. — По-прежнему очень прошу прислать мне для пополнений мою автобиографию⁴, когда дойдет до нее очередь. Но я не думаю изменять ее сухого тона. Я так много грешил в своей деятельности излишне откровенным тоном, ненужными признаниями перед читателями, что теперь мое единственное желание — как можно меньше выставлять свою личность на показ, скрыть ее — в стихах за внешними образами, в статьях за отвлеченными мыслями, в автобиографии за непрерываемыми фактами. Но, конечно, автобиографии, собранные в последнем томе вашего Словаря, кое-чему научили меня, я теперь отчетливее представляю, что нужно вам и читателям.

Кто автор второй заметки о вашем издании Шекспира в *Athenaeum*'е, — не знаю. Думаю тоже, что Morfill; спрошу его в ближайшем письме к нему⁵.

Уважающий и преданный Валерий Брюсов

Ответ на письмо Венгерова от 26 октября 1904 г. (ИРЛИ, ф. 444, ед. хр 51, л. 40).

¹ Юргис Казимирович *Балтрушайтис* (1873—1944) — поэт, переводчик, один из организаторов издательства «Скорпион», постоянный сотрудник журнала «Весь». После Октябрьской революции с 1921 по 1939 г. был полномочным представителем правительства Литовской республики в Москве. С 1939 г. жил в Париже. Для издания собрания сочинений Байрона под редакцией С. А. Венгерова в «Библиотеке великих писателей» перевел «Виденье страшного суда» (т. II, стр. 247—260) и «Бронзовый век» (т. III, стр. 147—159).

² Владимир Михайлович *Саблин* (1872—1916) — московский издатель и переводчик, выпускал «Библиотеку классиков современной мысли», для которой Балтрушайтис переводил драмы Гаутмана («Шлюк и Яу», «Бедный Генрих» и др.), а также прозу Д'Аннунцио («Мертвый город»).

Сергей Аполлонович *Скирмунт* (1863—1932) — издатель, владелец книжного магазина «Труд», был близок к социал-демократическим кругам. Под издательской маркой «Труд» выходили драматические произведения Гаутмана в переводах Балтрушайтиса («Праздник примирения» и др.).

³ «Часы досуга» — цикл лирических стихотворений Байрона. Брюсов перевел семь стихотворений из этого цикла для венгеровского издания (т. III, стр. 457, 470, 478, 479, 484, 487).

⁴ Речь идет об автобиографии, посланной Венгерову для его «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых». Венгеров писал Брюсову 26 октября 1904 г.: «...прошу вас дополнить автобиографию, она несколько суховата и формальна, и я просил бы вас прибавить что-нибудь относительно того, как складывалось ваше литературное миросозерцание. Такие авторские признания в высокой степени ценны» (цит. по кн.: М. В. Машков а. История русской библиографии начала XX века. М., «Книга», 1969, стр. 88).

⁵ «*Athenaeum*» — лондонский литературно-критический журнал, в котором Брюсов с 1901 г. помещал ежегодные обзоры новинок русской литературы. Уильям Ричард *Морфилл* (1834—1909) — профессор русской литературы и славянских языков Оксфордского университета, активный сотрудник «*Athenaeum*'а», участник «Весов», где печатались его заметки о новой английской литературе. Морфилл находился в переписке с Брюсовым и переводил его обзоры на английский язык.

2

⟨Москва.⟩ 3 июля 1905

Многоуважаемый Семен Афанасьевич!

За летними скитаниями только теперь прочел ваше письмо и должен извиниться, что отвечаю так поздно. Байрон будет непременно закончен к указанному вами сроку. Над Данте уже работаю¹. Впрочем, больше читаю о Данте, чем перевожу его стихи. И чем глубже вхожу в изучение Данте, тем безмерней кажется мне этот мир. А между тем это изучение переводчику безусловно необходимо. На многие стихи «Комедии» у меня только теперь открылись глаза. Но, с другой стороны, изучение и затрудняет перевод: мне становится жаль пожертвовать каждым словом, каждым намеком Данте.

Добролюбов² эту зиму гостил у меня около месяца. Я лично довольно холоден к нему, но его высоко чтит моя сестра³. В настоящее время Добролюбов не более как интеллигентный начетчик, склонный к духоборству. Говорит мало (хотя, может быть, именно со мной), поучает истинам довольно элементарным, вроде того, что страдание нужно, что выше всех языков человеческих есть язык сынов божиих и выше всякой мудрости человеческой мудрость божия и т. д. Живя у меня, он прочел литературу за последние 5 лет, которые он провел в уединении, в пустыне. Особенно ему полюбили Ив. Коневской и философские книги Метерлинка. Написал он много

писем разным видным людям: тому же Метерлинку, Льву Толстому, Мережковскому, Минскому и т. д. Давал мне читать. В письмах все больше нравственные сентенции. Утверждает, что важна не литература, а «единое на потребу». Теперь Добролюбов где-то на юге, в Самарской губернии. Живет как простой работник, в крестьянской среде, работает и поучает. У него есть последователи и поклонники, но, сколько могу судить, не много. Иной раз мне кажется, что он уже тяготится своей ролью и, что вполне возможно, что он вернется в ту среду, которую бранит именем: «называемые образованные люди».

Уважающий и преданный Валерий Брюсов

Ответ на письмо Венгерова от 27 июня 1905 г. (ИРЛИ, ф. 444, ед. хр. 51, л. 56).

¹ Брюсов писал Венгеру 17 декабря 1904 г.: «Всей душой рад буду принять участие в переводе Данте и благодарен вам очень, что вы предлагаете мне это участие» (сб. «Мастерство перевода». М., 1959, стр. 384). Брюсову был поручен перевод первой части «Божественной Комедии» — «Ад». Однако издание Данте в «Библиотеке великих писателей» не осуществилось. Брюсов успел перевести только первую песнь «Ада». См.: Святослав Б э л з а. Брюсов и Данте (в кн.: «Данте и славяне». Сборник статей под ред. И. Балзы. М., 1965).

² Об А. М. Добролюбове см. наст. том, стр. 379. Венгеров писал о своем намерении поместить сведения о Добролюбове в Энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона.

³ Надежда Яковлевна Брюсова (1881—1951) — музыковед, в 1904 г. окончила Московскую консерваторию, с 1921 г. профессор Московской консерватории по классу теории музыки и фольклора.

3

«Москва.» 6 сентября 1905 г.

Многоуважаемый Семен Афанасьевич!

С неделю назад выслал вам перевод четырех стихотворений Байрона. Теперь высылаю еще одно. Последнее из доставшихся мне на долю, «Элегия к Нюстедскому аббатству», будет у вас на днях.

«То Romance» я счел нужным перевести совершенно заново. Однако на всякий случай посылаю вам и свой первоначальный, летний перевод, зачеркнув его карандашом в знак того, что его сам отвергаю. Тот перевод был озаглавлен «К роману»; новый я озаглавил «К фантазии». Вернее всего, было бы сказать «К вымыслу». W. Wetz и A. Böttger ¹ переводят «An die Dichtung». Но дело в том, что существо, к которому обращается Байрон, представляется ему в виде женщины. «Auspicious queen!» * — говорит он. Может быть, можно сказать «К Музе вымысла»? ²

Я прочел написанные вами обо мне страницы в дополнительном томе Энциклопедического словаря ³. Благодарю вас за все доброе, что вы обо мне сказали, и принимаю все упреки, так как они — ваше искреннее мнение. Сознаться, что чтение этих столбцов произвело на меня сильное впечатление. Я невольно оглянулся на пройденные и уже *очень чуждые* мне стадии моей жизни. Может быть, я напишу как бы ответ на эту статью, который и послужит моей «автобиографией» в автобиографическом отделе вашего Словаря писателей. А пока позвольте одно маленькое замечание. Я почти не ответственен за свои «политические обозрения» в «Новом пути». Они всегда были «инспирированы» П. Перцовым, но и после того редакция находила возможным делать в них такие изменения (вплоть до *вставок*), что воистину я не могу признать их выражением своих убеждений ⁴. Жалею, что подписывал под ними свои инициалы. Меня соблазнило желание показать, что я не так чужд вопросам общественным, как думают.

* Благосклонная королева (англ.).

Как только обработаю «Нюстедское аббатство», примусь за Данте. Все боюсь, что ваше издательство отдумает братья за это предприятие. Не стану лгать, что исключительно ради перевода Данте, но во всяком случае имея его в виду, я отказался от редактирования «Весов». Теперь для работы у меня свободного времени достаточно: от утра до утра.

Уважающий и преданный Валерий Брюсов

Ответ на письмо Венгерова от 20 августа 1905 г. (ИРЛИ, ф. 444, ед. хр. 51, л. 59).

¹ В. Ветц и А. Бётгер — переводчики Байрона на немецкий язык.

² В собрании сочинений Байрона под ред. Венгерова стихотворение было озаглавлено, как предложил Брюсов, — «К Музе вымысла» (т. III, стр. 487).

³ В статье «Брюсов» (Энциклопедический словарь Брокгауза — Ефрона, т. 1, доп. СПб., 1905, стр. 322—324) Венгеров отметил «несомненно талантливую индивидуальность поэта», высоко оценил его стихи о городе, особенно выделив «прекрасное стихотворение — диалог «Каменщик». В той же статье Венгеров назвал Брюсова «чистейшим классиком» среди декадентов. Одновременно он следующим образом характеризовал «новопутейскую» публицистику Брюсова: «...с 1903 г. принимал деятельное участие в «Новом пути», где, между прочим, писал политические обозрения (националистически-консервативной окраски)».

⁴ О своих «политических обозрениях» в журнале «Новый путь» Брюсов впоследствии писал: «Сознаюсь, что воспоминания об этой работе относятся к числу особенно неприятных из всего моего прошлого <...> То направление, в каком я должен был вести обозрения, было мне заранее предписано редактором-издателем П. П. Перцовым» (Автобиография, стр. 114). Об участии Брюсова в «Новом пути» см. также публикацию Д. Е. Максимова «Валерий Брюсов и «Новый путь»» (ЛН, т. 27-28).

4

«Москва» 29 октября 1905 г.

Многоуважаемый Семен Афанасьевич!

В переживаемые нами дни считается почти неприличным говорить о литературе. Думаю, что это несправедливо. Вся Россия увлечена в борьбу за свободные формы жизни, но все же это борьба за *формы*. Когда цель будет достигнута, когда свобода действительно будет завоевана, надо будет наполнить эти формы содержанием, а содержание могут дать лишь наука и искусство. Если искусство, если наука не клонили головы под мертвым веянием деспотизма, они не должны клонить ее и под бурей революции. Я вовсе не чужд происходящему на улице и уже попадал под казацки пули, но считаю, что мое настоящее место за письменным столом. Я останусь поэтом, писателем, хотя бы мне суждено было, как Андре Шенье, взойти на гильотину.

Я посылаю Вам перевод «Лакин-и-Гэр»¹, еще не вполне законченный. Если перевод этот нужен, я его обработаю. Незадолго до общего революционного взрыва я выслал вам последние переводы Байрона, какие взял на себя: думаю, они дошли до вас. Не откажите сообщить, намерено ли издательство Брокгауз-Ефрон продолжать свою деятельность.

Уважающий и преданный Валерий Брюсов

¹ Стихотворение Байрона из цикла «Часы досуга», перевод Брюсова был опубликован в III томе венгеровского издания, стр. 478.

5

«Москва. Апрель 1907 г.»

Многоуважаемый Семен Афанасьевич!

Очень благодарю вас за «Очерки»¹. Читаю с большим интересом. Мне хорошо знакома литература и журналистика начала и конца XIX века. Но середину я всегда представлял себе смутно. Ибо не мог же я читать «Историю» Энгельгардта!² У вас же это время изображено очень живо. За то,

что вы пропустили в «Очерках» декадентов, я, конечно, вас осуждаю. Мы все, и наши издания, имеем право стоять в ряду других явлений русской литературы, ибо мы в ней звено необходимое³. Вся дальнейшая русская литература, литература будущая, выходит из нас <...>

Статья о Пушкине в Крыму⁴ все еще не готова и даже далеко еще не готова. Если уж неглязят меня освободить от нее, сделаем так. Назначьте мне вы — число страниц, которые она должна занять. Всякий материал можно изложить в том или ином масштабе. Постараюсь быть точным и написать ровно столько, сколько будет мне оставлено места. А иллюстрации, как вы указываете, еще облегчат эту задачу.

Сердечно ваш Валерий Брюсов

Дата установлена по связи с предыдущим и последующим письмами. Предыдущее датировано 1 апреля 1907 г., два последующих написаны в мае того же года.

¹ Книга С. А. Венгерова «Очерки по истории русской литературы». СПб., «Светоч», 1907. В ИМЛИ хранится рукописный текст рецензии Брюсова на эту книгу — для закрытой правительством газеты «Столичное утро» (см. приложение к данной публикации).

² Духотомная «История русской литературы XIX столетия» Н. А. Энгельгардта (СПб., изд. Суворина, 1902—1903), перегруженная малозначительными фактами и написанная в консервативно-тенденциозном духе.

³ Позднее Венгеров признал историческое значение «новой поэзии», посвятив ей статью «Победители или побежденные» (Послесловие к кн.: С. А. Венгеров. Основные черты истории новейшей литературы. Б-ка «Светоч». СПб., 1909).

⁴ Статья Брюсова «Пушкин в Крыму» была напечатана в венгеровском издании сочинений Пушкина (т. II. СПб., 1908, стр. 80—102).

6

⟨Москва.⟩ 22 июня 1909

Многоуважаемый Семен Афанасьевич!

Спасибо за весть о себе. Мне сообщали, что вы были серьезно больны. Приветствую ваше выздоровление. Что до меня, я работаю себе потихоньку. Написал речь о Гоголе и, как вам известно, был московской публикой охвистан. Внимание и незаслуженное, и несправедливое. Речь эту я послал вам, и вы можете судить сами¹. Потом напечатал «Французских лириков»². Труд несколько поверхностный и торопливый: вина издателей. Книгу доставлю вам на днях. Теперь готовлюсь к отплытию. Т. е. попросту еду на летний отдых в Савойю. Осенью буду, по обыкновению, в Париже. Взять на себя какую-либо работу по Пушкину *сейчас* не могу решительно. Устал смертельно и работать не способен. Но если можно будет сделать что-либо *осенью*, с октября, или точнее в ноябре, буду очень, очень рад. Так как «Египетские ночи» уже отданы, особенно подходили бы мне «Отрывки неоконченных повестей» и «Записки исторические, биографические etc» — целиком или частями³.

Ваш сердечно Валерий Брюсов

Р. S. В Москве пробуду до 2—3 июля ст. ст.

¹ В Брюсов. «Испепеленный. К характеристике Гоголя». Доклад, прочитанный в торжественном заседании Общества любителей российской словесности 27 апреля 1909 г. Был опубликован в «Весах» (1909, № 4) и затем вышел отдельным изданием (М., «Скорпион», 1909). В своем докладе Брюсов подчеркнул гиперболизм и фантастику произведений Гоголя и, по существу, вывел его наследие за пределы реализма. Неожиданные, новые аспекты Брюсов стремился оттенить и в характеристике личности Гоголя. Речь Брюсова вызвала резкий протест части слушателей и большой шум в газетах (см. воспоминания И. Н. Розанова в наст. томе). В одном из очередных заседаний Общества любителей российской словесности профессор Московского университета, юрист Л. А. Комаровский поставил вопрос об исключении Брюсова из числа членов Общества, однако это предложение не было принято. Вопреки нападкам на речь Брюсова, исходившим из академических кругов, Венгеров в ответном письме от

30 июля 1909 г. назвал ее «настоящим вкладом в гоголевскую литературу» и выразил согласие с тем, что Гоголь «совсем не «реалист» в обычном представлении, а именно фантаст» (ИРЛИ, ф. 444, ед. хр. 53, л. 15). Позже Венгеров дал высокую оценку речи Брюсова и в печати (см.: С. А. Венгеров. Собр. соч., т. II. СПб., 1913, стр. 121).

² См. письма З. И. Гржебину, п. 2, примеч. 4.

³ Брюсову были поручены статьи о «Египетских ночах» и о «Неоконченных повестях» Пушкина в венгероветском издании (т. IV. СПб., 1910, стр. 264—270 и 444—449).

⟨Москва⟩ 8 января 1912

Многоуважаемый Семен Афанасьевич!

Не без труда написал я статью о Блоке: трудно писать критическую статью о поэте, который еще жив, которого считаешь в числе своих добрых друзей. Статья вышла невелика (немногим больше полулиста), но все свои мысли я в ней выразил — распространить ее мог бы я только фактически ¹.

Рассмотрите ее, пожалуйста, и сообщите, нужны ли в ней какие-либо изменения и дополнения: я их охотно сделаю. Хотелось бы также местами поправить не то, чтобы «слог» (какой есть!), но «внешность изложения» (например, избежать повторения слов «Блок», «Блок», «Блок», «стихи», «стихи», «стихи»). Но для этого должно немного «отойти» от написанного. Я рассчитываю на то, что вы мне дадите возможность просмотреть корректуру статьи, и тогда эти поправки я сделаю. Сейчас же не смею задерживать отсылки давно обещанной рукописи.

«Автобиография» следует.

Неизменно ваш Валерий Брюсов

¹ См.: «Русская литература XX века» (т. II, ч. 2. Пг., 1915, стр. 320—330).

8

⟨Москва⟩ 8 мая 1913

Многоуважаемый Семен Афанасьевич!

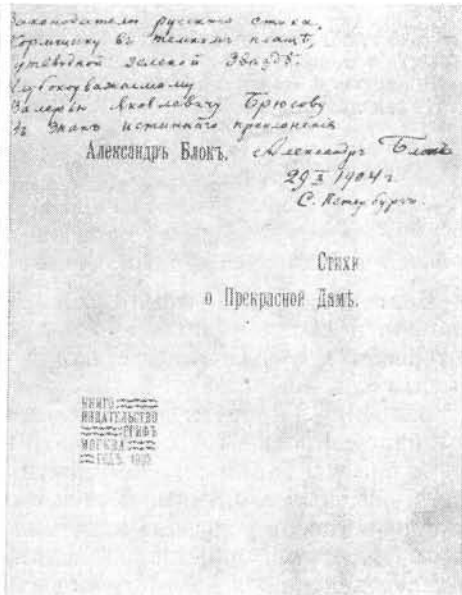
Приезд Бальмонта и связанные с этим торжества, *quorum pars magna fui* *, опять спутал все мои расчеты. Только сегодня я высылаю вам свою статью о Гишпиус ¹.

Сознаюсь, статья эта стоила мне много не то что труда, а хлопот. Во-первых, я откровенно не люблю прозу Гишпиус (о чем не раз и писал, и лично говорил Зинаиде Николаевне). Вы же просили характеризовать и ее прозу. Я пытался перечитать сборники ее рассказов (их 6!) и ее романы, но, при всем добром желании, не мог на них сосредоточить внимание: иное так и не доперечитал. Поэтому все, что я говорю о прозе Гишпиус, вышло недоказательно. Во-вторых, я увидел, что, по моим личным отношениям к Зинаиде Николаевне (до которых, конечно, читателям нет дела, но есть дело мне), я не могу сказать *esse*, что думаю о ее поэзии. О многом мне пришлось только намекнуть. Через это и характеристика поэзии Гишпиус вышла какой-то неполной.

Пересмотрите, пожалуйста, статью; может быть, ее и вовсе не стоит печатать (причем мне, конечно, останется лишь очень перед вами извиниться). В таком случае не откажите вернуть мне рукопись: я сделаю из нее небольшую статью исключительно о стихах.

Если же все же вы найдете статью «приемлемой», вы, может быть, не откажетесь прислать мне корректуру. Я кое-что *исправляю*, особенно в слог

* большое участие в которых принимал и я (*лат.*).

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ А. А. БЛОКА

на книге: «Стихи о Прекрасной Даме». М., «Грифъ», 1905: «Закондателю русского стиха, Кормцирку в темном плаще, Путеводной зеленой Звезде. Глубокоуважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову. В знак истинного преклонения. Александр Блок. 29 X 1904. С. Петербург»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

статья. Сейчас не делаю этого, чтобы не задерживать отсылку рукописи. Да и утомился я от этой работы: через некоторое время мне мои ошибки будут виднее.

Уважающий вас Валерий Брюсов

¹ См.: «Русская литература XX века» (т. I, СПб., 1914, стр. 178—188). В статье освещалось преимущественно поэтическое творчество Гиппиус.

9

27 мая 1914. Опалуха

Многоуважаемый Семен Афанасьевич!

Благодарю вас и за содействие моему участию в «малом» Пушкине Брокгауза (хотя еще не знаю, выйдет ли что из этого участия) ¹, и за ваше новое предложение. Последнее, однако, разрешите мне «отклонить». Чтобы объяснить такую просьбу, я принужден сознаться, что не очень высоко ценю стихи Юргиса Балтрушайтиса, в которых нахожу много выдумки и мало поэзии. Их напряженная отвлеченность меня скорее раздражает, чем восхищает. Вашему изданию статья осудительная, конечно, не нужна. Да и мне не очень приятно было бы выступать с такой статьей по отношению к тому «Юргису», которого, как своего давнего товарища, я сердечно люблю и всячески уважаю. Думаю, что будет во всех отношениях лучше, если статью о нем напишет кто-либо другой, а не я. И мне самому будет приятнее прочесть о стихах Балтрушайтиса отзыв сочувственный ².

Ваше письмо я направляю по летнему адресу Ю. Балтрушайтиса: ст. Средняя, Сызрано-Вяземской ж. д., имение Бэра «Петровский завод» (Калужской губ., Алексинского у.).

Преданный Вам Валерий Брюсов

¹ «Малый Пушкин» в издательстве Брокгауза-Ефрона не появился, вероятно, в связи с началом первой мировой войны.

² Статью о Балтрушайтисе по предложению Венгерова написал Вячеслав Иванов («Русская литература XX века», т. II, ч. 2. СПб., 1915, стр. 301—311).

10

30 мая 1915 г.
Москва, 1 Мещанская, 32

Многоуважаемый Семен Афанасьевич!

Благодарю вас за высылку гонорара за мою статью о Пушкине в VI т. ¹: гонорар и самая книга мною получены. Читаю этот том с напряженным интересом и буду писать о нем в «Русских ведомостях» или «Русской мысли» ².

В Москву я приехал собственно на две-три недели, но, по-видимому, мне не придется возвратиться на театр войны: новые правила делают это невозможным ³. Таким образом, почти наверное, я должен буду обратиться к своим обычным занятиям. В этом смысле я нахожусь вполне в вашем распоряжении, если у вас есть какая-либо работа для меня в «Истории литературы XX в.» или в «Словаре». Статьи на букву Л, как я думаю, все уже распределены; но не доверите ли вы мне две статьи на М: магия и Мережковский. О Д. С. Мережковском я давно хотел написать что-нибудь существенное и лично обещал ему это, но все не было не то что случая (напротив, было много), но времени; теперь я охотно исполнил бы это свое обещание. Что касается магии, то я достаточно изучал ее, чтобы иметь право писать об ней ⁴. Вообще буду признателен за все предложения, потому что сейчас, с прекращением «Сирина» ⁵, я в полном смысле слова оказался «безработным»: никакого очередного дела у меня нет, и всю свою деятельность надо мне начинать чуть не сначала. Может быть, с окончанием Пушкина, вы предпримете издание еще одного из «великих писателей»? Может быть, вернетесь к давнему проекту издать Данте ⁶? Тогда я в вашем распоряжении и как переводчик.

Неизменно преданный вам Валерий Брюсов

¹ В последнем, шестом томе Собрания сочинений Пушкина под редакцией Венгерова была помещена статья Брюсова «Стихотворная техника Пушкина» (стр. 349—367). В автографе том ошибочно назван седьмым.

² В. Б. Библиографические заметки.— «Русские ведомости», 1915, № 138, 17 июня, стр. 5.

³ Приехав в Москву с театра военных действий в мае 1915 г., Брюсов больше туда не вернулся.

⁴ Статьи «Магия» и «Мережковский» в Новом энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона были написаны другими авторами.

⁵ В 1912 г. Брюсов заключил договор с издательством «Сирин» (владелец — М. И. Терещенко) на полное собрание сочинений в 25 томах. В 1915 г. издательство было ликвидировано, вышли только тома I—IV, XII, XIII, XV, XXI.

⁶ См. п. 2, примеч. 1.

11

Москва, 1 Мещанская, 32
<1 декабря> 1915 г.

Многоуважаемый Семен Афанасьевич!

Еще раз убедился я в старой истине, что переделывать то, что уже написано, закончено, — нельзя. Можно переделывать во время самого процесса работы (и часто: должно!), можно позже исправлять частности (например, слог, даже стиль); но, например, прибавить новую главу к уже законченной статье — значит исказить все сделанное. Хорошо ли, дурно ли, но статья сложилась так, у нее свое начало и свой конец, и всякая новая

прибавка окажется болезненным, чуждым наростом... Все это, увы! я сделал по вашему желанию со своей статьей о Блоке. Перечтя последние стихи Блока (за годы 1911—1915), я не мог не воспринять как-то по-новому всей его поэзии: и он изменился за эти годы, и я изменился; думать так, как я думал, когда писал свою статью, я уже не могу. Прибавленная, — вернее сказать: приставленная, — глава осталась инородным телом в статье; чтобы как-нибудь согласовать новое со старым, пришлось и в других местах статьи сделать вставки, изменения, поправки, которые лишь по внешности кажутся незначительными, а на самом деле в существе изменяют всю идею, весь замысел статьи...

Все это я пишу только затем, чтобы вам ведомо было положение дел. Работа сделана, глава прибавлена, вставки вставлены и корректура отослана в издательство. Полагаю, что приходится примириться с печальным фактом... Впрочем, еще одно замечание: я ничего не сказал о книжке Блока «Стихи о России» (изд. «Отечества»), — признаюсь, потому, что у меня ее не было и я об ней позабыл. Сейчас прочел в «Русской мысли» большую статью об этой книжке ¹ и думаю, что был не прав. Если вы тоже считаете, что об этой книжке надо было бы добавить хотя бы несколько строк, может быть, вы распорядитесь вторично доставить мне корректуры статьи (все равно мое дополнение требует вторичной корректуры, если не моей, то кого-либо). Тогда я сделаю это новое дополнение, конечно, очень скоро (в один день) и очень маленькое (в 5—10 строк), так что это печатания статьи не задержит. Впрочем, совершенно предоставляю на ваше усмотрение, нужно ли это ².

Преданный вам Валерий Брюсов

Письмо датировано по ошибке 31 ноября; дата исправляется предположительно.

¹ Ю. Никольский. Александр Блок о России. — *РМ*, 1915, № 11, отд. II, стр. 15—19.

² В статье Брюсова о Блоке (см. п. 7, примеч. 1) «Стихи о России» не упоминаются. О Брюсове — критике Блока см.: «История русской критики», т. II. М. — Л., 1958, стр. 635, а также кн.: П. П. Громов. Блок, его предшественники и современники. М., «Сов. писатель», 1966, стр. 190—192, 251, 429—430.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

С. А. Венгеров. Очерки по истории русской литературы, том 1. «Библиотека Светоча». Стр. 488. СПб. 1907 г. Ц. 2 р. 50 к.

Самую ценную часть книги образует «Общий очерк истории новейшей русской литературы». Автор задался целью — представить в нем «общую картину литературного или, вернее, литературно-общественного движения второй половины XIX столетия». Очерк дает краткие, но выпуклые характеристики как отдельных писателей — поэтов, беллетристов, критиков, — так и вообще всех явлений журнальной и газетной жизни в России с конца 40-х годов до наших дней. Нет сомнения, что проследить преемственную связь в литературных и общественных течениях недавнего прошлого, из которых многие еще до сих пор волнуют нас, — задача очень трудная. Г. Венгеров прекрасно справился с нею. Конечно, не всегда можно согласиться с тем, какое место дает он в истории литературы тому или другому явлению, точно так же, как нельзя согласиться и со всеми его характеристиками, — но ведь за словами автора чувствуется серьезная мысль и строгое убеждение. «Общий очерк» г. Венгерова должен сделаться необходимым пособием для ознакомления с нашей литературой XIX в. Несмотря на свою сжатость и отсутствие библиографических указаний, он далеко оставляет за собой, по широте захвата и яркости изображения, как одностороннюю, тусклую «Историю новейшей русской литературы» г. А. Скабичевского, так и вялую, полную всяких ошибок компиляцию г. Н. Энгельгардта «История русской литературы XIX столетия».

В книге есть еще три обширных статьи, о Гоголе, Белинском и К. Аксакове, представляющие значительный интерес.

В. Б.

З. Н. ГИППИУС

Зинаида Николаевна *Гиппиус* (по мужу Мережковская, 1869—1945) принадлежала к старшему поколению писателей-символистов; ее стихи появились впервые в 1888 г. в «Северном вестнике». В последующие годы она работала не только в области поэзии, но писала и рассказы, романы, пьесы; принимала деятельное участие в журнальной полемике, печатала много литературно-критических статей, обзоров и рецензий, которые обычно подписывала псевдонимом: Антон Крайний. Гиппиус разделяла с Мережковским его реакционные религиозно-философские воззрения, в литературе она стояла на позициях крайнего индивидуализма и эстетства, ее критические статьи изобиловали нападками на Горького и других писателей-реалистов, группировавшихся вокруг «Знания». Октябрьскую революцию встретила с непримиримой враждебностью, в 1920 г. эмигрировала вместе с Д. С. Мережковским. В годы эмиграции оба они принадлежали к числу наиболее ярых, злобствующих противников советского строя и советской литературы.

Брюсов познакомился с Мережковскими в Петербурге 8 декабря 1898 г. (*Дневники*, стр. 53). С 1901 г. началась его переписка с Гиппиус, ставшая особенно интенсивной в годы участия Брюсова в «Новом пути» и в период существования журнала «Весы», в котором Гиппиус постоянно сотрудничала. По своим литературным, общественным и философским взглядам Брюсов во многом расходился с Гиппиус, что нашло прямое выражение и в публикуемых письмах к ней. Большое место здесь, наряду с деловыми журнально-литературными темами, занимают общие вопросы искусства, непосредственные отклики на текущую жизнь, острые, нередко очень злые характеристики их общих знакомых и друзей из лагеря символистов, откровенные высказывания как о себе самом, так и о своем корреспонденте.

Письма Брюсова к Гиппиус в большинстве своем остаются неизвестными; некоторая часть их сохранилась в черновиках, иногда незаконченных; они хранятся в ГБЛ, ф. 386.70.37 и 38 (25 писем, 1901—1907) и в ЦГАЛИ, ф. 154, оп. 1, ед. хр. 11 (1 письмо, 1908). В архиве Брюсова (ГБЛ) сохранилось 151 письмо Гиппиус к нему (1901—1914); одно письмо находится в ЦГАЛИ (1903; ф. 56, оп. 3, ед. хр. 7).

Во время подготовки брюсовского тома редакция «Литературного наследства» получила от А. Я. Полонского (Париж) фотокопии трех находящихся в его собрании писем Брюсова к Гиппиус вместе с любезным разрешением на их публикацию в томе. Эти письма (1, 3, 4) составили основу настоящей публикации; к ним присоединены два письма, которые печатаются по черновым автографам: п. 2 (ГБЛ, ф. 386.70.38, л. 11—12 об.) и п. 5 (ЦГАЛИ, ф. 154, оп. 1, ед. хр. 11, л. 1).

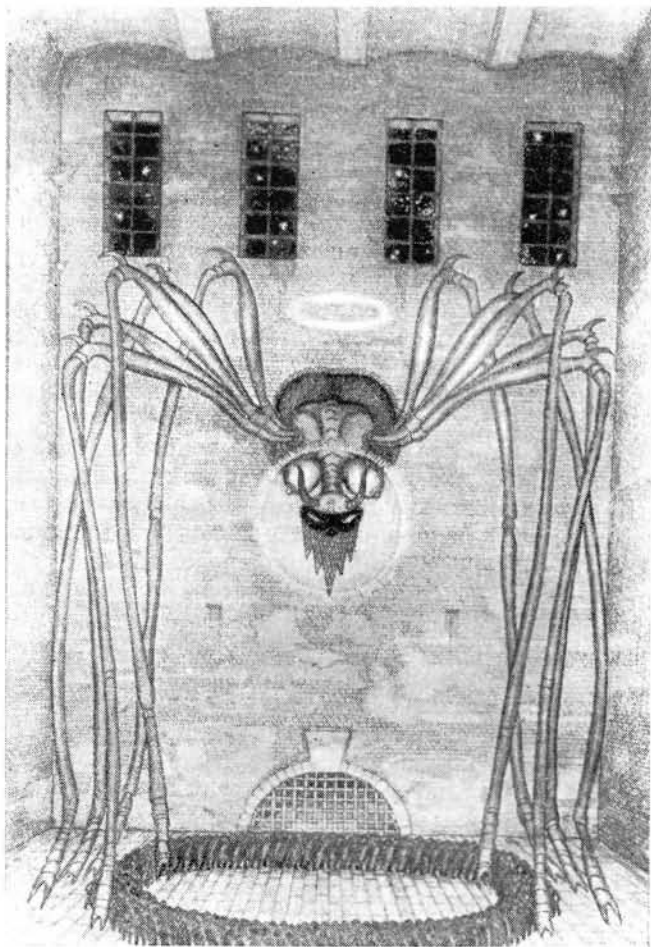
1

«Москва.» 27 дек<абря> ст. ст. 1906

Дорогая Зинаида Николаевна!

Что вы пишете о журналах политических и декадентских, в частности о «Весах» и повести Кузмина, — безнадежно верно. Но — *audiatur et altera pars* *. Повесть Кузмина была отпечатана нами заранее, когда печатался еще № 10. Если бы мы не сделали этого, мы не могли бы издать все 12 №№ журнала до 1 января. Это — первое соображение, техническое. Есть и второе — более важное. Я считаю Кузмина писателем настоящим, хотя и его «Крылья», и его «Элевзиппа» (см. «Золотое руно») ¹, и его роман, который появится в «Шиповнике» ², и его рассказ, который мы премировали на конкурсе о дьяволе ³, и все, что он доселе писал, — вещами второстепенными. Большинство начинает с вещей второстепенных, и мало у кого есть столько выдержки и столько веры в слово учителя, как у Мопассана, чтобы писать, класть в стол и десять лет ждать литературного дебюта. Так как я в М. Кузмина *верю*, то — по чистой совести — я мог дать место его повести в «Весах».

* пусть будет выслушана и другая сторона (*лат.*).

ДЬЯВОЛ

С рисунка М. В. Добужинского, 1906
«Золотое руно», 1907, № 1

Но, после этой защиты «Весов», скажу, что за последнее время мне вообще нет охоты заботиться о «Весах». После неудачи осеннего нашего плана (еще раз повторю: он не удался не по *моей* вине, хотя, может быть, и не по *вашей*)⁴ я к «Весам» остыл очень. Я убедился, что для меня, несмотря на трехлетнюю работу в них, сделать их такими, какими я хочу, все-таки невозможно. А тратить энергию, а тем более *хитрить*, чтобы только более или менее приблизить их к своему образцу, — не стоит. Пусть себе издаются по «скорпионному» трафарету, конечно, в значительной степени созданному мною, но уже давно надоевшему и опостылевшему мне. Может быть, когда-нибудь буду я издавать иной, «свой» журнал, а «Весы» надо предоставить их Фатуму. Пусть они пройдут в литературе отмеренные им Паркой годы со своим единым, неизменным ликом. (Кстати: не правда ли, № 12, который вы, конечно, уже получили, еще слабее 11-го; стихи — à la M-me Wilkine⁵; проза — à la M. Bougenine; и все скучно очень⁶.)

От «Весов» переход естественный к «Золотому руно». В связи с «Руном» в Москве свершилось два важных события: конкурс о дьяволе и юбилейный обед. На конкурс прибыли из Петербурга Вяч. Иванов, А. Блок и М. До-

бужинский, все в черных сюртуках. Заседали три дня. Прочли около 100 рукописей про дьявола и пересмотрели до 50 изображений дьявола. Уяснилось, что ни авторы, ни их судьи (и я в том числе) никакого понятия о дьяволе не имеют. Что такое дьявол, кто такой дьявол, откуда к нему подойти, как к нему отнестись? Не знаем. Не то это «Яго», не то «христианский» или «еврейский» миф, не то превечное начало, не то сказка. Художники вышли из затруднения просто: не присудили ни одной премии, всё забраковали. Мы были стыдливее: премировали Кондратьева, Кузмина и Ремизова, — но за вещи, к дьяволу относящиеся весьма косвенно. А жаль, что никто не пожелал воспользоваться премиями, назначенными «Руном». Суммы были предложены довольно пристойные и взять их было очень нетрудно. В связи с конкурсом, по московскому обычаю, были разные банкеты, длившиеся до 4 и 5 утра. А потом членам жюри было уплачено вознаграждение: по 10 р. за каждое заседание и, иногородним, еще по 20 р. (на проезд из Петербурга в Москву и обратно).

Юбилейный обед состоялся в ознаменование первого года «Золотого руна»⁷. Приглашено было что-то около 100 человек. Рябушинский меня спрашивал: «Как вы думаете, В. Я., не будут оскорблены дамы из общества, если я приглашу несколько женщин, у которых нет церковного мужа?» Я ответил: «Вы, Н. П., в деле организации обедов гораздо талантливее меня: делайте все по своему вдохновению». Дамы из общества не приехали, но и женщины без церковных мужей тоже не приехали. Было официально, натянуто и скучно, т. е. на обеде. Но после обеда было продолжение: для избранных поездка к воспетому еще Пушкиным «Яру». Там, конечно, все пошло по-иному. Стали сводиться счеты «Перевала»⁸ с «Руном» и ухакивателя с соперником. Притом пили, пили, пили. Рябушинский блистал, чувствуя себя если не Нероном, то Лукуллом наверное. На беду нашлась своя Кругликова⁹, М-ме Aimée Столица¹⁰ (ее стихи см. в «Золотом руне»), и жертвою ее сделалась я, как в прошлом году жертвою Кругликовой Борис Николаевич. В конце концов мне пришлось взять эту М-ме Aimée, то обливающуюся слезами, то клянущуюся в любви, то засыпающую, — к ее мужу, близ Рогожской заставы. Но и в этом прискорбии было свое утешение: разные «я» остались сами собой — «Руно» — «Руном», Рябушинский — Рябушинским, и Москва — Москвой! А что выше в мире, как не «выявить свой индивидуальный лик»!

Приехали в Москву Яценки¹¹ (не знаю, встречали ли вы их в Париже) и рассказывают, что Бальмонту прямо озлоблен и против «Весов» и против меня. Верю, потому что прислал он мне такое бранное «письмо», каких я в жизнь не получал. Он пишет между прочим: «Если ты забыл, что имя К. Бальмонта — священное имя в литературе, то я беру на себя малый труд напомнить тебе это. Моя новая книга («Жар-Птица») — есть событие в литературе. До сих пор не существовало славянского поэтического самосознания. С появлением моей книги оно возникло. Если ты не окончательно еще утратил способность понимать поэзию, ты поймешь это» и т. д.¹² Разумеется, я отвечал ему «в тон». Думаю, что этот ответ, а также статья о пользе брома в № 12 «Весов» совсем отклонит Бальмонта от «Скорпиона»¹³. Я не жалею, ибо в литературе перепевами и пересказами самого себя он стал нестерпим. Более будет жалко, если обидится Н. М. Минский на статью о «сапожнике». Но, во-первых, нельзя было оставлять без замечания его развязный вздор (выражение точное) в «Перевале», а во-вторых, он и без того к «Весам» относился очень холодно и почти ничего не давал им¹⁴.

Книгу своих рассказов я послал вам тотчас, как из типографии принесли *первые* экземпляры (причина, почему я не мог одновременно послать ее и Дмитрию Владимировичу, в чем перед ним извиняюсь)¹⁵. Книга эта — плохая книга. Я не умею писать рассказов и не знаю, научусь ли когда-либо. Здесь нужен какой-то особый дар (который, например, в большой

степени есть у Леонида Андреева), мною «от богов», кажется, не полученный. В № 11-12 «Золотого руна» вы найдете мою рецензию на «Алый меч», в общем не одобрительную¹⁶. Когда я писал о вашей книге, я больше думал о своей. Все упреки, какие я делал вам, я относил и к себе. Все недостатки, какие находил у вас, знал и у себя. Самой справедливой критикой на мою книгу было бы перепечатать мою рецензию, поставив вверху: Валерий Брюсов. «Земная ось», — и зачеркнув конец, где говорится об ином значении вашей книги, которого у моей нет. (Кстати: я не прошу у вас «извинения» за эту рецензию и не высказываю надежды, «что вы за нее не рассердитесь»: ¹⁷ и вы и я — мы пишем о наших друзьях то, что думаем, не заботясь о дружестве, так ведь?) *

Чтобы быть обстоятельным, надо бы еще упомянуть в Москве о «Свободной эстетике» и «Хризопрасе», а из петербургского мира об «Обществе молодых». Но боюсь, что и так замучил вас своей святочной болтовней (у нас ведь еще святки). Буду краток. «Общество свободной эстетики» — нечто вроде Ивановских сред, собирается по средам же и очень полезно для писателей младшего возраста ¹⁹. «Хризопрас» — журнал, имеющий специальной целью — ругать «Перевал», но весьма некультурный и не очень грамотный. В № 1 о С. А. Грифе сказано: «Лизал осел руки господина своего, пока в яслях было сено; не стало, и забрыкался». Вышлю вам №, ибо случайно там и я, и Блок, и «все» ²⁰. «Общество молодых» ²¹ возникло из противоположного соединения Луначарского и Кузмина, о. Михаила ²² и Городецкого, Н. Бердяева и К. Чуковского, Ф. Зелинского и Ф. Сологуба и т. д. Собираются и спорят. Впрочем, уже издали «Ярь» Городецкого — самую интересную книгу стихов за этот год. О том, что «сборники Знания» распались на три «Сборника», причем во главе одного Максим «Горький», другого — Леонид I и третьего — Куприн без №, вы, вероятно, уже слышали ²³.

Был ли у вас мой брат по пути в Америку? и юноша Гумилев? Первого не рекомендую, второго — да ²⁴.

Всегда ваш Валерий Брюсов

Ответ на несохранившееся письмо Гиппиус. Она ответила Брюсову на настоящее письмо 8/21 января 1907 г. (ГБЛ, ф. 386.82.39, л. 1—6 об.).

¹ «Крылья» — повесть М. А. Кузмина («Весы», 1906, № 11, — весь номер был заполнен ею); отдельное издание повести: М., «Скорпион», 1907. «Элевзин» — его же «Повесть об Елевсиппе, рассказанная им самим» («Золотое руно», 1906, № 11—12).

² В «Литературно-художественном альманахе» изд-ва «Шиповник» (кн. 1—3. СПб., 1907) произведения Кузмина не появлялись. Возможно, что Брюсов имеет в виду повесть «Картонный домик», напечатанную в кн.: «Белые ночи. Петербургский альманах». СПб., изд-во «Вольная типография», 1907 (об этой повести см.: М. Кузмин. Письмо в редакцию. — «Весы», 1907, № 6, стр. 74).

³ Конкурс «Золотого руна» на тему о дьяволе был объявлен в № 5 за 1906 г. (объявление повторялось до № 10 включительно). В жюри по художественному отделу вошли: М. В. Добужинский, Павел Кузнецов, В. Д. Милиоти, Н. П. Рябушинский, В. А. Серов. По литературному отделу: А. А. Блок, В. Я. Брюсов, Вяч. И. Иванов, А. А. Курсинский, Н. П. Рябушинский. Из представленных художественных работ ни одна не была признана достойной премии или одобрения: конкурс было решено считать несостоявшимся. По стихам вторая премия присуждена А. Кондратьеву за сонет «Пусть Михаилом горд в веках Иегова...», по прозе первой премией были отмечены рассказы М. Кузмина «Из писем девицы Клары Вальмон к Розалии Тютельмайер» и А. М. Ремизова «Чёртик». Итогом конкурса был полностью посвящен № 1 «Золотого руна» 1907 г. — здесь напечатаны все премированные произведения, а также те, которые получили поощрительные отзывы жюри.

⁴ Неудавшийся план «соединения» группы Мережковского с «Весами» обсуждался в переписке Брюсова с Мережковскими в 1906 г. (см. наст. том, стр. 283—293).

* В примечании можно упомянуть, что Людмила, узнав, что о ее книге буду писать я, написала мне, что ждет от меня дружеской рецензии (слово «дружеской» подчеркнуто) ¹⁸ (примеч. Брюсова).

⁵ М-me Wilkine — Людмила Николаевна *Вилькина* (1873—1920) — поэтесса, жена Н. М. Минского. Сохранилось 88 ее писем к Брюсову, 1902—1909 (ГБЛ, ф. 386. 80.13, 14, 15; здесь же черновики 12 писем Брюсова — ф. 386.70.21); 47 писем Брюсова к Вилькиной, 1902—1907, находятся в ИРЛИ (ф. 39, оп. 3, ед. хр. 833). Вилькиной Брюсов посвятил стихотворение «Лесная дева», помеченное 26 ноября 1902 г. (УО). Творчество Вилькиной Брюсов оценивал невысоко: он указывал, что ее стиль «как бы намеренно избегает всякой изобразительности», «стих лишен музыкальности, а порой и прямо неблагозвучен»; говоря о содержании ее стихов и рассказов, он отмечал, что оно исчерпывается кругом декадентских мыслей, «которые уже довольно давно перестали быть новыми даже у нас» («Весы», 1907, № 1 — рецензия на кн.: Л. В и л ь к и н а. Мой сад. Сонеты и рассказы. М., «Гриф», 1906).

⁶ Фельетоном и статьям В. П. Буренина, многолетнего сотрудника «Нового времени», были присущи развязное остроумие, грубость и хлесткость.

В № 12 «Весов» были помещены стихотворения Ю. Балтрушайтиса (7 стихотворений) и Ю. Верховского (12—стихотворений); из прозы — «Спутники» Балтрушайтиса и «Американские впечатления» О. Уайльда.

⁷ Журнал «Золотое руно» начал выходить с января 1906 г.

⁸ О журнале «Перевал» см. наст. том, стр. 497. Как «Весы», так и «Золотое руно» сразу стали во враждебные отношения к «Перевалу». В «Весях» главный удар по нему был нанесен статьей З. Гиппиус «Трихина» («Перевал», № 1—6), напечатанной в № 5 за 1907 г. под псевдонимом «Товарищ Герман».

⁹ Елизавета Сергеевна *Кругликова* (1865—1941) — художница, примыкала к группе «Мир искусства». В 1900-е годы жила в Париже; в апреле 1903 г. Брюсов посетил ее «субботу» (*Дневники*, стр. 132). О ее парижском салоне Гиппиус упоминала с явным недоброжелательством (письмо от 8/21 января 1907 г.).

¹⁰ Любовь Никитична *Столица* (рожд. Ершова, 1884—1934) — поэтесса. Жила в Москве, сотрудничала в «Золотом руне». В 1920 г. эмигрировала. Брюсов шуточно передает ее имя французским словом Aimée (Любимая).

¹¹ Александр Семенович *Яценко* (1877—1934) и его жена Матильда Августовна. А. С. Яценко окончил в 1900 г. юридический факультет Московского университета; в 1905—1906 гг. жил в Париже, где работал над магистерской диссертацией на тему «Международный федерализм». С 1907 г. — приват-доцент Московского университета, с 1909 г. — профессор Юрьевского университета по кафедре энциклопедии и истории философии права, с 1911 г. преподавал также в Петербургском университете. В архиве Брюсова сохранилось 25 писем Яценко, 1903—1923 (ГБЛ, ф. 386. 110.37).

¹² В этом «бранном» письме от 2/15 декабря 1906 г. Бальмонт резко отзывался о «Весях» и упрекал Брюсова за недружественные суждения о его новых книгах (см.: ЦГАЛИ, ф. 56, оп. 3, ед. хр. 6, л. 120—121). Брюсов излагает суть этого письма, не давая точных цитат из него. Черновик ответа Брюсова от 16/29 декабря 1906 г. в его архиве (ГБЛ, ф. 386.69.26, л. 35—35 об.).

¹³ В октябре 1906 г. «Весы» напечатали статью К. Чуковского «Русская Уитмениана», в которой, в частности, была дана критическая оценка переводов Бальмонта из Уитмена (№ 10, стр. 43—45). После этого в «Весы» было прислано раздраженное письмо с нападками на Чуковского, подписанное: Елена Ц. (это была Елена Константиновна Цветковская, ставшая затем второй женой Бальмонта). Редакция поместила в № 12 это письмо, а вслед за этим напечатала ответ Чуковского: «О пользе брома». Не отрякаясь от своего давнего преклонения перед Бальмонтом-поэтом, Чуковский затем писал: «Бальмонт как переводчик — это оскорбление для всех, кого он переводит <...> Ведь у Бальмонта и Кальдерон, и Шелли, и По, и Блэк — все на одно лицо. Все они — Бальмонты» («Весы», № 12, стр. 55).

¹⁴ В № 1 «Перевала» за 1906 г. была помещена статья Н. М. Минского «Идея русской революции». Не ожидая продолжения статьи, обещанного в следующих номерах (оно появилось в № 2, декабрь 1906 г., и № 3, январь 1907), Брюсов выступил с резкой ее оценкой («Сапожник, пекущий пироги. О г. Минском». — «Весы», 1906, № 12). В ответном письме Гиппиус подтверждала, что Минский обиделся на «сапожника» и даже собирается возражать своему критику. Этот ответ под заглавием «Редакции «Весов» был помещен в «Перевале», № 4, февраль 1907 г.

¹⁵ Дмитрий Владимирович — Философов, живший в Париже вместе с Мережковскими (о нем см. наст. том, стр. 649). «Книга рассказов» — сборник «Земная ось» (М., 1907; вышла в свет в декабре 1906 г.). В ответном письме Гиппиус писала: «Вы, пожалуй, правы и в том, что и ваши рассказы хуже стихов <...> Я не равно отношусь к вашей прозе: некоторое мне очень нравится, другое, так же очень, не нравится. Именно «нравится», до всякой оценки и размышлений, и это-то и важно. Так мне нравятся «Республика Южного Креста» и «В подземной тюрьме», — и в высшей степени не нравятся «Сестры», «Мученик», да, пожалуй, и все остальное. Это непосредственное чувство можно бы разложить, субъективно утвердить и осмыслить, если бы «Весы» пожелали моей заметки о «Земной оси». Статья Гиппиус «Проза поэта» появилась в «Весях», 1907, № 3.

¹⁶ З. Н. Г и п п и у с. Алый меч. Рассказы. Четвертая книга. СПб., изд. М. В. Пирожкова, 1906. Свою рецензию на эту книгу («Золотое руно», 1906, № 11-12,

стр. 154) Брюсов построил на противопоставлении поэзии Гипшиус, которую он оценивал высоко, ее прозе. В последней он находил «чисто внешнюю характеристику выведенных лиц, вялость диалога и тягучее развитие действия», «заурядно-правильный язык опытного беллетриста» и указывал, что «отдельные строки, отдельные фразы ее прозы нередко бесцельны, безличны, мертвы».

¹⁷ В ответном письме Гипшиус откликнулась на эти строки: «Вы пишете, что «не извиняетесь» в своей рецензии обо мне, — но писать это — тоже как бы извинение; (<...> я в вашей рецензии ничего плохого не вижу, объективно и много хорошего. Может быть, вы даже и правы».

¹⁸ О Л. Н. Вилькиной см. выше, примеч. 5. В письме от 22 ноября 1906 г. Вилькина писала Брюсову из Петербурга: «Я очень довольна, что вы будете писать о моих стихах. Вы всегда были моим одобрителем и печатали у себя в самые тяжелые для меня минуты». В приписке она добавляла: «Итак, о рецензии нечего и говорить. С нетерпением хочу прочесть чем скорее ваш дружеский отзыв» (ГБЛ, ф. 386.80.14, л. 51, 52 об.).

¹⁹ О «Свободной эстетике» см. наст. том, стр. 33 и 401.

²⁰ «Хризопрас». Художественно-литературный сборник издательства «Самоцвет». М., 1906—1907 (хризопрас — полудрагоценный камень зеленого цвета, разновидность халцедона). В редакционном предисловии к сборнику указывалось, что «взгляды редакции на задачи художественного творчества» в «общих чертах приближаются к взглядам «Весов» и «Золотого руна» (стр. 4). Издательство «Самоцвет» ставило своей задачей «помогать молодым неопытным писателям в их первых шагах на писательском поприще» (стр. 3). Однако, вопреки этому, первый сборник был заполнен произведениями уже известных литераторов (Блок, Брюсов, Бор. Садовской, С. Соловьев, А. Ремизов, Г. Чулков и др.). В 1907 г. издательство предполагало выпустить еще 11 сборников — «Гранат», «Лал», «Рубин», «Топаз» и т. д., но этот план не был осуществлен. «Хризопрас» заканчивался «письмом в редакцию» (подпись: W), в котором жесткой критике был подвергнут № 1 «Перевала». В нем и приведены слова об осле, не совсем точно процитированные Брюсовым.

²¹ «Кружок молодых» — литературно-художественное объединение, созданное в 1906 г. при историко-филологическом факультете Петербургского университета по инициативе С. Городецкого (см.: С. М. Г о р о д е ц к и й. Мой путь. — В кн.: «Советские писатели. Автобиографии», в двух томах, т. 1. М., 1959, стр. 325). В январе 1907 г. студенческий в основном кружок был преобразован в «Литературно-художественное общество», куда вошел ряд известных уже деятелей литературы и искусства (Ф. Ф. Зелинский, Г. И. Чулков, В. Э. Мейерхольд, Ф. Сологуб, И. Я. Билибин и др. — См.: «Золотое руно», 1907, № 1, стр. 84). Одна из первых книг, данных «Кружком молодых», — сборник: С. Г о р о д е ц к и й. Ярь. Стихи лирические и лироэпические. СПб., 1907 (вышла в декабре 1906). Рецензия Брюсова на него — «Весы», 1907, № 2.

²² Об архимандрите Михаиле см. наст. том, стр. 485.

²³ Необоснованные слухи о распаде сборников «Знания» возникли, очевидно, в связи с проектом передачи их редактирования Леониду Андрееву — переговоры об этом велись с конца 1906 г. (см.: ЛН, т. 72, стр. 284—296).

²⁴ Александр Яковлевич Брюсов (1885—1966) — младший брат Брюсова, археолог; в молодости сотрудничал в газетах и в журнале «Перевал». Выпустил под псевдонимом Alexander книгу стихов «По бездорожью» (М., 1907).

Н. С. Гумилев, которого рекомендует Брюсов, посетил в Париже Мережковских. В ответном письме Гипшиус сообщила о неблагоприятном впечатлении, которое он произвел: «О Валерий Яковлевич! Какая ведьма «сопряла» вас с ним? Да видели ли уже вы его? Мы прямо пали. Боря имел силы издеваться над ним, а я была поражена параличом. Двадцать лет, вид бледно-гнойный, сентенции — старые, как шляпка вдовицы, едущей на Драгомилловское. Нюхает эфир (спохватился!) и говорит, что он один может изменить мир. «До меня были попытки... Будда, Христос... Но неудачные». После того как он надел цилиндр и удалился, я нашла № «Весов» с его стихами, желая хоть гениальностью его строк оправдать ваше влечение, и не могла. Неоспоримая дрянь. Даже теперь, когда так легко и многие пишут хорошие стихи, — выдающаяся дрянь. Чем, о, чем он вас пленил?» (Три стихотворения Гумилева были напечатаны в «Весах», 1906, № 6).

2

«Москва.» 1907, страстная неделя <между 16 и 21 апреля ст. ст.>

Дорогая Зинаида Николаевна!

Вы вправе сердиться на меня за мое молчание. Но меня лекции замучили. Несколько лет уклонялся я от всяких публичностей. Но пришли «товарищи» (подлиннее с.-д.) и соблазнили. Прочел в их пользу лекцию о «Театре будущего». Успех был такой, что я было возгордился. Зала была не то что пере-

полнена, а пере-переполнена. Слушатели сидели на местах по одному, по двое и по трое, стояли, висели, врывались без билетов и уходили в отчаянии (я надеюсь, что «в отчаянии») ¹. Словом, «как в Париже», у вас ². Но за славою последовала и расплата.

Знаете ли вы «Продолжение анекдотов» Марка Твена? ³ Очень советуем прочесть. Есть анекдот об уме собак. Благотетельный доктор перевязал сломанную лапу собаки. На утро он нашел на своем крыльце эту собаку, а рядом с ней сидела другая, ее подруга, у которой тоже была сломана лапа... Марк Твен, продолжая, рассказывает, как благотетельный доктор нашел еще через день уже четырех собак на своем крыльце, после — восемь, шестнадцать, тридцать две, шестьдесят четыре, сто двадцать восемь, двести пятьдесят шесть... Бедняга умер, завещая своему сыну: «Сын мой, не делай благодетельний!»

Ко мне после лекции вновь пришли «товарищи» и убедили лекцию повторить. Потом пришли ученики 1-й зубоврачебной школы и убедили повторить ее для них. Потом пришли ученики 2-й зубоврачебной школы. Потом пришли «товарищи» какого-то другого «комитета». Потом пришли от безработных. Потом приехала Диана Моисеевна от межпартийного комитета в пользу заключенных. Потом приехал из Петербурга «поэт» Лев Василевский, пригласить в «Общество литераторов» ⁴. Потом прислал телеграмму Корней Чуковский, чтобы я ехал в «Кружок молодых» ⁵. Потом Саратовское общество распространения чего-то прислало письмо... Потом, потом... Потом я послал всех к — Борису Николаевичу. Это было безжалостно, но самоспасительно. Борис Николаевич прочел лекцию с тем же успехом: люди сидели, стояли, висели, врывались и уходили ⁶. Теперь собаки со сломанными лапами, в числе 8, 16, 32, 64, 128, 256, 512, 1024 терзают его, а я получил возможность писать вам письмо, и счастлив.

[Но я болтаю пустяки, между тем как есть множество «дел», *накопившихся всё по вине моих лекций* (во множественном числе, ибо я прочел все же несколько). И прежде всего] Спасибо вам [от имени «Весов»] за все ваши «сорієs», всегда [всегда и всегда нам] желанные, и не сердитесь, что они медленно выходят в свет ⁷. Статья о «Перевале» — прелесть. Ради бога, не смягчайте ее. Надо же, по выражению Пушкина, «плюнуть» на него ⁸. Статья о «Шиповнике» очень интересна, хотя со словами о Ценском я не согласен вовсе: не признаю его несколько ⁹. [Только одна смиренная мольба] Поэтому однако смиренно прошу вас: нельзя ли эту статью сократить хоть чуточку, хоть только в цитатах? [Ну право же, право же нет места. Посмотрите, какие толстые №№ даем мы, а портфель редакции все набит туго] «Весы» охотно, с удовольствием, с радостью будут в каждой книжке печатать и большее число ваших страниц, чем теперь, но *об отдельной-то книге* они не могут говорить так подробно. Впрочем, ни на минуту на этой просьбе мы не настаиваем. Если уж ничего нельзя сократить, да останется так.

Что касается вашего письма о «Манифесте» Бориса Николаевича (кажется, я еще не писал вам об нем), то против его напечатания *вообще* мы не можем иметь ровно ничего, но печатать его в «Весях», сказать правду, нам не хотелось бы. И это не потому, что ваше письмо довольно резко осуждает и автора «Манифеста», и журнал, где он напечатан. Таких осуждений, как вы видите на примерах, мы не боимся. Но вы осуждаете автора за то, что произошло *вне литературы*, в его частной жизни. Был ли Андрей Белый, когда писал свой «Манифест», подобен Ною, вкусившему от плодов виноградных, этого читатели и редакция не могут и не должны знать. Мы получили «Манифест», как и все другие статьи Белого. Все проявления души Белого мы считаем стоящими внимания. Белый переживает последние годы резкий перелом в своем мирозерцании, так что странность тона его статьи могла быть объяснена этой ломкой. Наконец, *через неделю* после «Ма-

ЖУРНАЛ «ПЕРЕВАЛ»
 М., 1906, № 1, ноябрь
 Обложка (фрагмент)

нифеста» я получил от Бориса Николаевича письмо, в котором он повторял свое желание видеть «Манифест» напечатанным, чем совершенно устранялось подозрение, не был ли написан этот «Манифест» под «влиянием обстоятельств исключительных». Вот наша юридическая аргументация в защиту того, что «Манифест» мы напечатали. Если бы вы пожелали поместить свое письмо в каком-либо другом журнале, это не было бы ни в самой малой степени обидно для «Весов». Мало того: если вы *очень настаиваете*, мы можем напечатать ваше письмо и в «Весах», только с послесловием Белого и редакции ¹⁰.

Остальные ваши статьи неизменно войдут в свою очередь на страницы «Весов». Из стихотворений ваших — три идут в следующем 5 № (ибо № 4 занят одной драмой ¹¹), где будут еще три стихотворения Минского и три моих. Остальные ваши стихи войдут в одну из осенних книжек. Затем, в том же круге вопросов, к вам просьба: не напишете ли вы, хотя бы тоже как товарищ Герман, о преображенной «Русской мысли»? Это очень важная просьба, ибо написать об ней необходимо ¹². Если *не* напишете, не откажите уведомить в скорости, чтобы поручить кому-либо другому, хотя это и будет печально.

Дела, кажется, все. Теперь несколько слов «от души», которые давно хочется сказать.

Не знаю почему, но я с особой живостью, с особой непосредственностью чувствую вас, Зинаида Николаевна, именно в наших письмах за эту зиму. Никогда при личных встречах не представлялись вы мне так явно, и никогда не казался я сам себе более близким к вам. Но знаете. Меня почти ужаснуло одно выражение в вашем предпоследнем письме, вдруг опять открывшем, какая все-таки бездна лежит и не может не лежать между двумя человеками. Вы, говоря о каком-то поклоннике Людмилы Николаевны (о Розанове?), сказали: «обладателе, как и вы (т. е. как и я), *разожженной плоти*» ¹³. Боже мой! Вы, говорившая со мной, читавшая меня, писавшая обо мне статьи, осудившая понимание меня «несложными душами моих почитателей», — неужели вы не знаете, что ко мне могут быть приложимы

[чуть ли не все] разные эпитеты, [кроме именно этого] но именно не этот! Об этом говорят и кричат, во всю меру своего голоса, все мои стихи, все мои поступки, вся моя жизнь. Все что хотите: обман или добродетель, любопытство или притворство, но только не «разожженная плоть». Этого никогда не было, нет и не может быть. В разных частях своего существа испытывал я «разожженность», но только не в «плоти», и уже если кто, так я должен применить к себе слова Лермонтова:

И царствует в душе какой-то холод странный,
Когда огонь кипит в крови ¹⁴.

«Душа» здесь, конечно, равняется вашей «плоти», а «кровь» это только «кровь».

И в самое заключение маленький рассказ из моей жизни, который лучше бы не распространять дальше. На лекции Бориса Николаевича подошла ко мне одна дама (имени ее не хочу называть), вынула вдруг из муфты браунинг, приставила мне к груди и *спустила курок*. Было это во время антракта, публики кругом было мало, все разошлись по коридорам, но все же Гриф, Эллис и Сережа Соловьев успели схватить руку с револьвером и обезоружить. Я, правду сказать, особого волнения не испытал: слишком все произошло быстро. Но вот что интересно. Когда позже, уже в другом месте, сделали попытку стрелять из того же револьвера, он выстрелил совершенно исправно, — совсем, как в лермонтовском «Фаталисте». И, следовательно, без благодетельной случайности или воли божьей, вы совершенно просто могли получить, вместо этого письма, от «Скорпиона» конверт с траурной каймой ¹⁵.

Всегда ваш Валерий Брюсов

P. S. Борис Николаевич «официально» покинул «Золотое руно» ¹⁶. После довольно плохой «истории» с Курсинским, я охотно сделал бы то же. К тому же стыдно писать в журнале, где редактором Г. Тастевен. Но мне кажется, что стыдно отказываться, когда упразднение литературного отдела уже решено. Дешевое слишком геройство, скажут ¹⁷.

Черновик. Ответ на письма Гишпиус от 8/21 января и 5/18 марта 1907 г. (ГБЛ, ф. 386.82.39, л. 4—9 об.). Гишпиус ответила на настоящее письмо 30 апреля/13 мая (там же, л. 10—13 об.). В бумагах Брюсова сохранился также более ранний, незаконченный, черновик этого письма, помеченный 3 апреля 1907 г. (ГБЛ, ф. 386. 70.38, л. 10).

¹ Лекция «Театр будущего» была прочитана Брюсовым трижды: 26 марта, 11 апреля и 10 мая 1907 г. (см. о ней наст. том, стр. 172—174). Из публикуемого письма впервые выясняется, что первые две лекции были проведены по инициативе Московской организации РСДРП (в ней в это время руководящую роль играли большевики) и что сбор от них поступил в пользу социал-демократической партии. Об этом, а также об успехе лекций Брюсов писал и в раннем черновике: «... в Москве, как и в Париже, существуют «товарищи». Они приступили ко мне, и я не мог никак отказаться прочесть в их пользу лекцию (<...> Лекция прошла с успехом чрезвычайным».

² Первая лекция Мережковского — «О насилии» — была прочитана в Париже для русских эмигрантов (см. наст. том, стр. 407). В письме к Брюсову от 1/14 июня 1907 г. Гишпиус писала, что эта лекция была переработана ими обоими из ее статьи. Здесь же она сообщала о второй лекции, «которую на днях прочел здесь Дмитрий Сергеевич», — это была также переделка статьи Гишпиус (см.: ГБЛ, ф. 386. 82. 39, л. 17—17 об.). Название второй лекции в письме не указано.

³ Рассказ Марка Твена «Анекдоты о великодушии» (Марк Твен. Собр. соч., т. I. СПб., изд. Л. Ф. Пантелеева, 1898, стр. 296—298).

⁴ Лев Маркович *Василевский* (1876—1936) — поэт, журналист и театральный критик. «Общество литераторов» — вероятно, Литературно-художественное общество, существовавшее в Петербурге с 1892 г. Председателем его был А. С. Суворин.

⁵ О «Кружке молодых» см. п. 4, примеч. 21.

⁶ В апреле 1907 г. А. Белый прочел в Политехническом музее публичные лекции: «Символизм в современном искусстве» (14.IV) и «Искусство будущего» (17.IV). Позднее Белый вспоминал: «Апрель. Читаю публичную лекцию «О символизме» (со средним успехом), читаю лекцию «Искусство будущего» (с большим успехом), повторяю эту

же лекцию (все три лекции — в пользу нелегальных)» (А. Б е л ы й. Материал к биографии... (1923). — ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 2, ед. хр. 3, л. 55). В составленном тогда же перечне рефератов, публичных лекций и т. д. Белый отметил, что лекцию «Искусство будущего» он читал также в Киеве (октябрь 1907 г.) и в Петербурге (декабрь того же года). (А. Б е л ы й. Себе на память. — ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 96, л. 4).

⁷ С письмом от 8/21 января Гипшиус послала для «Весов» восемь стихотворений. Шесть из них были напечатаны в 1907 г.: № 5 — «Овен и Стрелец», «Между», «Больш»; № 12 — «Опять», «В черту», «Сызнова».

⁸ См. п. 1, примеч. 8.

⁹ Статья, подписанная обычным псевдонимом Гипшиус «Антон Крайний» («Весы», 1907, № 5), состояла из двух частей: 1) «Человек и болото» — об альманахах изд-ва «Шиповник», главным образом о «Жизни человека» Л. Андреева; 2) «На острове» — о книге С. Сергеева-Ценского «Рассказы», т. I. СПб., 1907. См. также п. 3.

¹⁰ «Манифест» А. Белого — статья «Художник оскорбителям» («Весы», 1907, № 1). В ней Белый обращает гневные слова обличения против буржуазного общества, против тех, кто лживо называет себя «друзьями художника». Письмо Белого к Брюсову с упоминанием «Манифеста» см. в наст. томе, стр. 402. Не исключено, что существовало еще одно (упоминаемое Брюсовым) письмо с определенно выраженным желанием, чтобы «Манифест» был напечатан. Но в архиве Брюсова такого письма нет. Открытое письмо Гипшиус, направленное против «Манифеста», в «Весях» не появилось.

¹¹ В № 4 «Весов» была напечатана пьеса Ш. Ван Лерберга «Пан» (см. о ней наст. том, стр. 580).

¹² После смерти (в ноябре 1906 г.) В. А. Гольцева, бывшего много лет фактическим редактором «Русской мысли», издание ее перешло от В. М. Лаврова к И. Н. Кушнереву. С января 1907 г. журнал начал выходить «под общим редакторством А. А. Кизеветтера и П. Б. Струве», приобрета отчетливую кадетскую ориентацию (официальным редактором числился Ф. К. Арнольд). Новая редакция, наряду с постоянными для «Русской мысли» авторами (Боборыкин, Мамин-Сибиряк, Тимковский и др.), привлекла к сотрудничеству некоторых литераторов из лагеря «нового искусства» (Бальмонт, Брюсов, З. Гипшиус, Мережковский, Сологуб, Бердяев, Философов и др.).

Предлагая написать статью «хотя бы тоже как товарищ Герман», Брюсов имел в виду, что Гипшиус пользовалась этим псевдонимом в редких случаях, когда хотела сохранить свое авторство втайне. Впервые она так подписала полемическую статью о «Золотом руне» («Весы», 1906, № 2). Однако слухи о том, что статья написана ею, получили все же распространение в литературных кругах, и Брюсов, чтобы «рассеять подозрения», подписал этим же псевдонимом свою статью, также направленную против «Золотого руна» («Весы», 1906, № 5; см. об этом в письме Брюсова к Мережковскому, вторая половина апреля 1906 г. — ГБЛ, ф. 386.71.60, л. 15 об.). О второй статье, которую Гипшиус снова подписала псевдонимом «Товарищ Герман», см. п. 1, примеч. 8.

¹³ В письме от 8/21 января Гипшиус сообщала, что Л. Н. Вилькина «занимается последнее время экспозицией» «более или менее пламенных писем» к ней, «утоляя» этим «свое славолубие». Гипшиус предупреждала об этом Брюсова, имея в виду, что у Вилькиной могли быть интимные письма и Брюсова.

¹⁴ Не вполне точная цитата из стихотворения Лермонтова «Дума» (1838). У Лермонтова: «какой-то холод тайный».

¹⁵ Этот эпизод произошел в Политехническом музее 14 апреля. Белый в своих воспоминаниях излагает его несколько по-иному, чем Брюсов (см.: *Между двух революций*, стр. 267). Дамой, которая пыталась стрелять в Брюсова, была Н. И. Петровская (у Белого она обозначена буквой N).

¹⁶ Об уходе Белого и других писателей из «Золотого руна» см. п. 3, а также наст. том, стр. 341.

¹⁷ А. А. Курсинский заведовал в «Золотом руне» литературным отделом; он ушел из журнала в связи с решением об упразднении отдела — вся литературная критика в журнале была передана Блоку (см. статью «Засоборились. Новый coup d'état в «Золотом руне». — «Весы», 1907, № 7, подпись: Товарищ Герман).

Г. Э. Тастевен официально был секретарем «Золотого руна», но, очевидно, выполнял также какие-то функции редактора.

Дорогая Зинаида Николаевна!

М. Ф. Ликиардопуло не так давно прочел мне несколько слов из вашего письма, где вы говорите о «Перевале», о вашей «Трихине», о «Весях»¹. Все это почти слово в слово совпадало с тем, что от вашего лица говорил я. Прочтя в первый раз вашу статью о «Перевале», я тогда же сказал Михаилу

Федоровичу: «Очень хорошо, очень зло и очень жестоко, но если бы Зинаида Николаевна стала писать о «Весах», она, вероятно, сказала бы столь же зло и жестоко». Ни на минуту не обольщаясь, я хорошо знаю ваше отношение к нашим «Весам». Конечно, они не только не то, что вам хотелось бы видеть — (что об этом и говорить!), — но даже не то, что вы согласны видеть. И разница моего отношения к «Весам» и вашего вот в чем: я их принимаю за невозможность лучшего, а вы за неимением лучшего. То есть вам кажется, что лучшее (сейчас, здесь, при наличии разных «условий») создать можно, а я этой возможности никак не вижу.

Однако, как год назад, во время злополучных наших переговоров², так и теперь, настаивая я, что есть нечто общее, что единит вас и нас около «Весов», — и положительное и отрицательное. Положительное — это уважение к той культуре, которую можно проклинать, которую можно отвергать, но через которую только и лежат пути в будущее. Отрицательное — это негодование ко всем «пляшущим на фразе» (см. эпиграф к лермонтовскому «Не верь, не верь себе...») ³, ко всем обращающим святое (для нас одно, для вас — другое) в шутовство, ко всем, в окончательном подсчете, ищущим только прибыли, хотя бы и не денежной. Мы переживаем одну из тех эпох (они в истории повторяются), когда совершается популяризация или вульгаризация идей, т. е., попросту говоря, великий грабеж и беззастенчивое обирание «собственников». Георгий Чулков⁴, С. Кречетов⁵, Б. Зайцев, И. Сацы⁶ и многие, и многие еще — крадут идеи Дмитрия Сергеевича и ваши, обкрадывают Андрея Белого и меня, и нагло щеголяют украденными цепочками, развешивая их на своих пестрых жилетах. Как же тут от времени до времени не произносить по адресу той или другой личности: «мошенник!» И вот почему я думаю, что ваша статья о «Перевале» совсем уместна в «Весах», как раньше была уместна статья о Судуклее Вахрамеевне:⁷ пусть «Весь» очень плохи и неправы, но в нашем декадентском море это все же единственный остров, куда не пристают ладьи quasi-экспроприаторов, а на деле просто жуликов.

Но оставим «Перевал» — от него, при наличии Сергея Кречетова, и ждать иного нельзя было, но вот «Руно»⁸. Уж с ним ли не бились: и объявления я им писал, и на четвергах разные элементарные истины вбивал в голову его плоскочерепных руководителей, и сотрудников всячески убеждал: «tenez-vous droit *» (это из «Золота в лазури») ⁹, — и что же! Результат: И. Сац, № Дьявола, № Нестерова¹⁰ etc. etc., а попутно неподавание руки Курсинскому и просьба к Струве выйти из редакции, так как он приехал не в крахмальном воротничке! Бывать более на Новинском бульваре немислимо, писать в «Руно» — вряд ли возможно, и, кажется, очень прав Белый, что открыто ушел и снял свое имя. Я бы сделал то же, да нет подходящего повода. Все числился, числился, и вдруг — «не могу». Скажут: «Что же раньше смотрел!» Разве если с целой «компанией». Вы взяли свои рукописи из «Руна»? — не присоединитесь ли? Ах, если бы ваше имя и Дмитрия Сергеевича! Прекрасное получилось бы «письмо в редакцию». Серьезно, подумайте о таком уходе из Содома и Гоморры!¹¹

Есть еще милое местечко: это «Орь». Они, конечно, куда культурнее не только «Перевала» и «Руна», но даже «Факелов»¹². И все-таки «Тайга» и «Тридцать три уroda» — изделия, при которых сохранять хладнокровие не совсем легко¹³. А видели ли вы «Цветник Ор»? ¹⁴ Альманах, по меньшей мере, интересный, ибо откровенный в стиле «модерны» («модерна» — словечко из статьи Артура Лютера, см. «Весь», № 5, 1907¹⁵). Г-жа Лидия Зиновьева и т. д. в драме, «варьированной на тему из Шекспира» (так и сказано!), под прозрачными псевдонимами пересказывает недавние перипетии из жизни «средового» кружка. А Вяч. Иванов и Маргарита Сабашникова

* держитесь прямо (франц.).

(жена Макса) рассказывают самые последние перипетии уже и без псевдонимов. Так, Марголя пишет: «Душа уязвлена твоей красой страстною!» (стр. 205), а Вяч. Иванов вторит ей: «Ты помнишь лик страстной моей красы?» (стр. 232), а чтоб было совсем понятно, добавляет: «В морях горит Сирена Маргарита» (стр. 225). Попутно рассказываются разные подробности: «В сливных снах, смыкая тело с телом...» (стр. 230), «Однажды въяве... Ты тела вес воздушный оперла — Мне на ладонь» (ib.), «И страсть трех душ томилась и кричала...» (стр. 218). Макс немного приуныл, больше молча сидит и прееет, но иногда яростно восхваляет стихи Вячеслава (с мягким произношением: Ви-ачи-аслава). А что-то бедняк Городецкий! легко ли читать «Завесы» * после «Эроса»!

Ваш всегда Валерий Брюсов

Р. С. Неужели вы так и не напишете о «Тридцати трех уродах» вместе с «Трагическим зверинцем»? Ну кто же, если не вы? Хотя бы под забралом товарища Германа? А, может быть, еще и о XVI Сборнике Знания, где «Иуда» Л. Андреева и «Мать» Максима (Горького). Неужели не соблазнительно!¹⁶

Корректуру статьи о «Шиповнике» совсем нельзя было выслать — приходилось очень торопиться; не гневайтесь. Я выпустил *только цитату* из С. Ценского и несколько относящихся к ней слов. Все остальное сохранено точно и проверено тщательно по рукописи. Сознаться, я было попытался сократить статью и еще, но оказалось невозможно: все у вас так связано и так последовательно, что нельзя было выпустить ни строки¹⁷.

Р. Р. С. Был у меня Перцов. Потолстел очень. Жил всю зиму в Крыму. Собирается купить имение и жить в деревне. Спросил у меня ваш адрес. Я сообщил.

Ответ на письмо Гиппиус от 14/27 мая 1907 г. (ГБЛ, ф. 386. 82.39, л. 14). Гиппиус ответила на настоящее письмо 1/14 июня 1907 г. (там же, л. 16—21 об.).

¹ Это письмо Гиппиус остается неизвестным. О статье «Трихина» см. п. 1, примеч. 8.

² См. п. 1, примеч. 4.

³ Эпиграфом к стихотворению «Не верь себе» Лермонтов взял четверостишие из «Пролога» к «Ямба» О. Барбье. Приводим его перевод: «Какое нам, наконец, дело до грубого крика всех этих горлающих шарлатанов, продавцов пафоса и мастеров напыщенности и всех плясунов, танцующих на фразе».

⁴ О Г. И. Чулкове и полемике с ним «Весов» см. наст. том, стр. 284—285.

⁵ О С. А. Соколове (Кречетове) см. наст. том, стр. 497.

⁶ Илья Александрович Сац (1875—1912) — композитор и музыкальный критик. Сотрудничал в «Золотом руне». Брюсов отрицательно относился к статьям Саца в этом журнале. По поводу статьи «Сатана в музыке» («Золотое руно», 1907, № 1) Брюсов выдвинул прямое обвинение в плагиате («Писать или списывать?» — «Весь», 1907, № 3).

⁷ О статье Гиппиус против «Перевала» см. п. 1, примеч. 8. «Статья о Судуклее Вахрамеевне» — статья Гиппиус, в которой была дана резкая, издевательская оценка первого номера «Золотого руна» («Весь», 1906, № 2; подпись: «Товарищ Герман»). Новый журнал был сопоставлен здесь с образом богатой, роскошно одетой Сундулеи Вахрамеевны (Брюсов пишет ее имя неточно), на которой платье из Парижа, «все на ней первый сорт», говорит она о Пишибышевском и Ницше, а за всем этим остается обыкновенной кунчихой, которая может вдруг такое сказать, что всем страшно станет, и при этом утерется платочком, или розовый атласный бантик на себя нацепить.

⁸ О «Золотом руне» см. наст. том, стр. 489.

⁹ Из стихотворения «Кошмар среди бела дня», в котором поэт рисует уличную картинку: «Вдоль тротуара...// вот идет за парой пара// бледных, хмурых пансионеров.// Глазки выдушили глупо,// спины вытянули прямо.// Взглядом мертвым, как у трупа, // смотрит классная их дама.// «Mademoiselle Nadine, tenez vous// droit...» И хмурит брови строже» (Андрей Белый. Золото в лазури. М., «Скорпион», 1904, стр. 100—101).

* Стихи Вяч. Иванова озаглавлены «Завесы»: очевидно, имеются в виду завесы *раздвигаемые* (примеч. Брюсова).

¹⁰ О номере «Золотого руна», в котором были напечатаны материалы «конкурса о дьяволе», см. п. 1, примеч. 3. Творчеству М. В. Нестерова был полностью посвящен художественный раздел № 2 «Золотого руна» за 1907 г.

¹¹ Этот проект коллективного отказа от сотрудничества в «Золотом руне», задержанный по желанию Мережковских, был осуществлен только в августе 1907 г., когда в большинстве московских и петербургских газет появились письма в редакцию об этом. Первое из них подписали: Мережковский, Гиппиус, Брюсов и Белый; во втором о своем присоединении к ним заявляли: Кузмин, Балтрушайтис и Ликиардопуло (см., например: «Столичное утро», 1907, № 69 и 70, 21 и 22 августа; см. также перепечатку обоих писем — «Весь», 1907, № 8, стр. 78—79).

¹² Об издательстве «Оры» см. наст. том, стр. 286, 497; о «Факелах» — там же, стр. 284.

¹³ «Тайга» — драма Г. И. Чулкова (СПб., 1907). В «Весах» была помещена рецензия на нее А. Белого (1907, № 6, стр. 69—70). «Тридцать три уroda» — роман Л. Д. Зиновьевой-Аннибал (СПб., 1907). Резкая оценка его как произведения, примыкающего к потоку «эротической» литературы, была дана в статье Антона Крайнего «Братская могила» («Весь», 1907, № 7).

¹⁴ Об альманахе «Цветник Ор», см. наст. том, стр. 498—500.

¹⁵ См. обзор Артура Лютера «1906 год в немецкой литературе» («Весь», 1907, № 5, стр. 86—87).

¹⁶ Обо всех названных изданиях Гиппиус писала в статье «Братская могила».

¹⁷ О статье Гиппиус «Человек и болото», содержавшей разбор альманаха «Шиповник», см. п. 2, примеч. 9. В письме от 14/27 мая Гиппиус упрекала Брюсова за то, что он не прислал ей корректуру этой статьи.

4

⟨Москва.⟩ 18 июня 1907 н. ст.

Дорогая Зинаида Николаевна!

Ваше терпение и ваша энергия по писанию лекций для парижских товарищей меня потрясают и изумляют ¹. Ибо в одном я безнадежно уверен, что во всей этой многотысячной толпе не найдется ни одной головы, череп которой можно было бы пробить вашим словом, — не потому, чтобы ваши слова не были остры, а потому, что эти черепа слишком тверды. Все равно, едва Дмитрий Сергеевич выйдет в одну дверь, в другую войдет Алексинский ² или Носарь ³, и сразу все сказанное вами испарится, а все сказанное этими залажет глубоко и прочно. А о вас будут говорить: «идеология мелких буржуа». — «Черт возьми! — как возразил Эллис, — уж я предпочитаю иметь идеологию *крупных!*»

Недавно спорил я с одним «твердокаменным» социал-демократом. Говорил с ним и «от Канта», и «от Риккерта», и «от Ницше». Он все стоял на своем и твердил одно: когда осуществится их социальный строй, все станет иное: и Канты, и Ницше, и теория познания, и мечты о сверхчеловеке. А главное — искусство будет совершенно иное, а все наше пойдет насмарку. Я, наконец, спросил его, а будет ли новой, иной таблица умножения. И, подумав, совершенно серьезно, безо всякой иронии, он ответил: может быть! — Это даже прекрасно, но говорить дальше бесплодно! ⁴

Да и вообще, говорить к кому-либо сейчас кажется мне бесплодным. В день роспуска Думы ⁵ был в одной дачной местности бал (то было в воскресенье). И вот на круг явились левые студенты и заявили, что сегодня разогнали Думу и потому они танцевать не позволят, а если кто будет, они «за последствия не ручаются». Хорошо? Но слушайте дальше. Бывшие здесь правые офицеры танцевать все-таки начали и, танцуя, обращались к студентам с криками: «Что, взяли, дураки?» Потом, не довольствуясь этим, позвали каких-то стражей, и студентов из сада вывели. Хорошо? Но слушайте дальше. Студенты пошли на станцию, напились пьяными до предела и, вооружившись камнями, стали метать их во всех проходящих, мужчин и дам, которые казались им «черносотенниками». Не кажется ли вам, что это дачное происшествие — символ всего, что совершается сейчас в России. Слева — бомбы и грабеж, бессмысленный и пьяный, справа — штыки и виселицы, дикие и грубые, в центре усы Головина ⁶ и кадетский ради-

«Северные цветы ассирийские»

М., «Скорпион», 1905

Обложка по рисунку Н. П. Теофилактова

кализм «Перевала». Нет путей — ни влево, ни вправо, ни вперед, — разве назад!

Как всегда «эмигранты», вы видите свою страну в свете радуг и молний, а мы, сидя у себя, знаем, что освещается она скверными фонарями, да и эти фонари в дни забастовок приказано бить. Не парламент нужен России, а элементарные школы, — школы для мужиков как для сотрудников «Перевала», для солдат как для министров. Но мужики и солдаты справедливо возражают: А разве мы виноваты, что мы в школах не были? и так как мы не виноваты, то будем жечь, бить и громить. И еще прибавляют: А пока вы школы выстроите и выдумаете 100 000 учителей, мы все с голоду помрем. Где же выход? <...>

А вы пишете лекции для парижских товарищей, а я пишу лекции для московских товарищей, и оба мы издаем «Весы» для кадетов и «кадетов», как выразился Жорж де Ба ⁷. А на деле — пора надевать рясу, как монахам Средних веков, и складывать свои рукописи на чердаках: авось Петрарка будущего отыщет! ⁸

Ваш Валерий Брюсов

Post scriptum.

А «Весы» все-таки издаются, и потому... и потому будемте говорить и о «делах».

Я несколько раз принимался писать примечание к вашей статье «Наоборот». Но всегда выходило слишком бранно. И не знаю, сумею ли написать иначе. Вы там соглашаетесь отдать Лафорга за Сологуба и Брюсова. Да читали ли вы когда-либо Лафорга? Это поэт сатиры, иронии, сарказма, поэт смеха, доброгo и недоброгo. Где смех у меня и у Сологуба? Ваша мена напоминает мне ответ в *petit jeu* *: Что вы предпочитаете, розу или гвоздику? — Апельсин. — Ну хорошо ли будет, если я начну возражать

* домашней игре (франц.).

вам таким тоном? Не лучше ли вовсе отложить эту статью, тем более что, перечитав ее, вы наверное сами признаете свою неправоту. Много у «Весов» недостатков, но не такое «наоборот»⁹.

Напротив, вторую статью, «Мы и они», давно следует поместить, и только места, места не доставало¹⁰. Ах, вы не знаете, каково уместить все, что надо, в 90—100 страниц! Встряхиваешь №, как корзину с яблоками, все думаешь, не войдет ли еще одно! Нет, лежат плотно, и сливы добавить некуда. Во всяком случае, я сдал «Мы и они» в набор, и надеюсь, что в июне статья появится. (Апрель и май — совершенно готовы, и будут разосланы на этой неделе.)

Рассказ, конечно, присылайте. То, что он появится в «Messager'e», для «Весов» значения иметь не может. Если бы еще то была статья, дело другое. Но рассказ в переводе теряет $\frac{3}{4}$ своего аромата. К тому же, судя по заглавию, он действительно непереводаем. Книжки Северака я видел, и сомневаюсь, чтобы он совершил переводческое чудо¹¹.

«Руно» ваших рукописей действительно не выдает, я сам слышал, как требовал их Михаил Федорович. Попробую сегодня потребовать я. Если и мне откажут, я дальнейших способов не могу представить. Кроме пристава, никакой авторитет для Рябушинского недостаточно силен.

Выход мой из «Золотого руна» решен окончательно. «С ними пива не сварить», как говорите вы. Я жду только появления № 4, где будет статья против «Весов», которая и послужит мне предлогом. Тотчас думаю я разослать по редакциям газет такое письмо:

«М. Г. г-н редактор. Позвольте при содействии вашей уважаемой газеты известить наших читателей, что мы не считаем более возможным считаться в числе сотрудников журнала «Золотое руно» и участия в нем более не принимаем. Д. Мережковский (?), Э. Гиппиус, Андрей Белый, Валерий Брюсов, М. Кузмин, С. Городецкий, М. Ликиардопуло»¹².

Имя Дмитрия Сергеевича я, конечно, не поставлю, если не получу по этому вопросу особого от вас ответа*. Ваше же имя, кажется мне, вы позволяете присоединить к этому списку. Ну их! Конечно, «Петербургская газета», о которой вы говорите, и «Столичное утро», где я теперь пишу, — приятнее!¹³

О женитьбе Перцова узнаю лишь от вас. Он от меня утаил.

Ваш Валерий Брюсов

Р. Р. S. Выслал вам «Уродов», «Зверинец», «Сборник Знания», в надежде, что вы напишете об них. Не выслать ли еще некоторые альманахи того же толка? Посылаю и «Цветник Ор», которого у вас, кажется, нет. Об нем написал Борис Николаевич. О «Факелах» написал Эллис¹⁴.

Простите плохой сегодня, не по обычному, почерк: болит рука.

Ответ на письмо Гиппиус от 1/14 июня 1907 г. (ГБЛ, ф. 386. 82.39, л. 16—21 об.). Гиппиус ответила Брюсову на настоящее письмо 16/29 июня 1907 г. (там же, л. 22—25 об.).

¹ О парижской лекции Мережковского см. п. 2, примеч. 2.

² Григорий Алексеевич *Алексинский* (р. 1879) — в 1907 г. член социал-демократической фракции Второй Государственной Думы; в дни ее разгона был за границей, почему и избежал ареста. Впоследствии перешел на контрреволюционные позиции; с 1918 г. в эмиграции, где вел активную антисоветскую работу.

³ Георгий Степанович *Носарь* (он же Петр Александрович Хрусталеv, 1877—1918) — политический авантюрист; в 1905 г. примыкал к меньшевикам, в октябре 1906 г. был сослан в Сибирь, откуда весной следующего года бежал за границу. После Ок-

* Вы пишете: «С удовольствием примем участие в выходе». Хотелось бы думать, что вы говорите за себя, за Дмитрия Сергеевича и за Дмитрия Владимировича. Так? (примеч. Брюсова).

тябрьской революции участвовал в конгрессо-революционном движении на Украине. После установления Советской власти на территории Украины был расстрелян.

⁴ Этот спор Брюсова показывает, какими превратными были тогда его представления о марксистских воззрениях на искусство и его будущее.

⁵ Вторая Государственная Дума была разогнана царским правительством 3 июня 1907 г. Члены социал-демократической фракции были тогда же арестованы и затем сосланы.

⁶ Федор Александрович Головин (1867—1937?) — председатель Второй Государственной Думы, один из организаторов партии кадетов.

⁷ Жорж де Ба — ироническая переделка на французский лад имени и фамилии Георгия Чулкова (от *le bas* — чулок).

⁸ Один из первых европейских гуманистов, Франческо Петрарка деятельно собирал и комментировал рукописи латинских поэтов.

⁹ Статья Гиппиус «Наоборот» в «Весах» не появилась. Жюль Лафоре (1860—1887) — французский поэт-символист.

¹⁰ Статья Гиппиус «Мы и они». — «Весы», 1907, № 6.

¹¹ Рассказ Гиппиус из жизни хлыстов «Сокатил» («Весы», 1907, № 8). В том же номере, под рубрикой «Заметки», было напечатано сообщение: «В № от 1 августа «*Mercure de France*» помещен рассказ З. Гиппиус «*Il est descendu*». Русский его текст напечатан в настоящем № «Весов» (стр. 78).

¹² См. п. 3, примеч. 11.

¹³ В письме от 1/14 июня 1907 г. Гиппиус сообщала: «...хочу приняться за борзописание всюду, где можно. Дойду до «Петербургской газеты» (не до «Перевала» и «Руна»). «Петербургская газета» (1867—1917) с 1880-х годов приобрела репутацию бульварного органа печати. «Столичное утро» — ежедневная общественно-литературная газета, выходившая в Москве с 30 мая 1907 г. Во второй половине октября того же года ее издание было приостановлено в административном порядке. Брюсов напечатал в ней несколько своих стихотворений и пытался привлечь к участию в ней Мережковских.

¹⁴ Обо всех перечисленных книгах Гиппиус писала в статье «Братская могила» (см. п. 3, примеч. 13). Рецензия А. Белого на альманах «Цветник Ор. Копница первая». — «Весы», 1907, № 6. В том же номере была помещена статья Эллиса «Пантеон современной пошлости» («Факелы», кн. 2).

5

26 sept<embre> 1908, Saint-Jean-de-Luz

Дорогая Зинаида Николаевна!

Вот уже около месяца, как я живу в том самом St.-Jean-de-Luz, где вы провели сколько-то недель весной. Впрочем, живу не в том *Hôtel Beau Rivage*, где вы (там не нашлось свободных комнат!), но в отдельном *appartement* *, около самого *jeu de pelote* **, если помните такое место. Наблюдаю приливы и отливы, хожу на Святую Барбу или на *Sogsoa*, иногда еду в Биарриц или в С. Себастьян¹, на бой быков, — и в общем чувствую себя прекрасно, вознось благодарностью богам, что они подали мне мысль поселиться здесь, и вам, что вы эту мысль поддержали. Народу здесь множество, не такая толпа, как в Биаррице, но все же больше, чем следовало бы, но я мудро сторонюсь ото всех и провожу дни в «модном одиночестве».

Только теперь, после того, как месяц я проблуждал по Италии² и месяц провел на берегу океана, начинаю я понимать вполне, до чего я устал от двух лет московской «литературной» жизни. Понемногу начинаю обретать себя самого — таким, каким был я в дни «Нового пути», а, может быть, раньше. «Весы», «Золотое руно», газеты, письма в редакцию, обиды всех на всех и интриги всех против всех, вечная истерика Андрея Белого и вечный савонаролизм Эллиса, ядовитая придурковатость Городецкого и бычачье себе на уме Макса Волошина — все это, и многое другое, образует такую систему зубчатых колес, после которой от души остаются лишь кровавые

* помещении, квартире (франц.).

** места для игры в мяч (франц.).

ключья. Я понимаю теперь, как блаженны были вы, столько хороших месяцев живя <вдали от> всех нас ³, с другого берега глядя на нашу яростную возню, которая [нам вблизи казалась битвой гигантов и титанов.]

Черновик. Об отдыхе в приморском курортном городке St.-Jean-de-Luz Гиппиус писала Брюсову 11/24 мая 1908 г. (ГБЛ, ф. 386. 82. 40, л. 5—6). На настоящее письмо она ответила уже из Петербурга 26 сентября (там же, л. 11—11 об.):

¹ Святая Барба (Sainte Barbe) и Corcoa — горные вершины вблизи Люза; Биарриц — крупный французский курорт на берегу Бискайского залива, неподалеку от него расположен Люз; Сан Себастьян — испанский город, находящийся близ границы с Францией.

² О «летнем путешествии 1908» по Италии см.: *Дневники*, стр. 139—140, а также наст. том, стр. 512.

³ За границей Мережковские прожили с марта 1906 г. до сентября 1908 г.

А. Н. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ

Анастасия Николаевна *Чеботаревская* (1876—1921) — писательница и переводчица, жена Ф. К. Сологуба. Помимо рассказов, публиковала в журналах и газетах статьи по искусству, а также о творчестве О. Дымова, З. Гиппиус, Д. Мережковского, Б. Зайцева, переводы Метерлинка, Мопассана, Стендаля; составляла книги хрестоматийного характера: «Думы и песни. Сборник новых песен». (М., 1914), «Любовь в письмах выдающихся людей XVIII и XIX века» (М., 1913), «Война в русской поэзии» (Пг., 1915) и др. Неоднократно выступала со статьями о произведениях Сологуба и была активным пропагандистом его творчества. Издала сборник «О Ф. Сологубе. Критика. Статьи и заметки» (Иб., «Шиповник», 1911), составленный только из положительных отзывов о творчестве мужа. По свидетельству Сологуба, была соавтором некоторых его рассказов и драм.

В 1912 г. участвовала в организации Всероссийского союза переводчиков. В 1914 г. вместе с Ф. Сологубом издавала журнал «Дневники писателей».

Письма Брюсова к Чеботаревской хранятся в ЦГАЛИ, ф. 482, оп. 2, ед. хр. 28 (7 писем, 1911—1916). Из печатаемых писем п. 1 — автограф, п. 2 — машинопись.

В архиве Брюсова (ГБЛ) сохранилось также 11 писем Чеботаревской к нему (за те же годы).

1

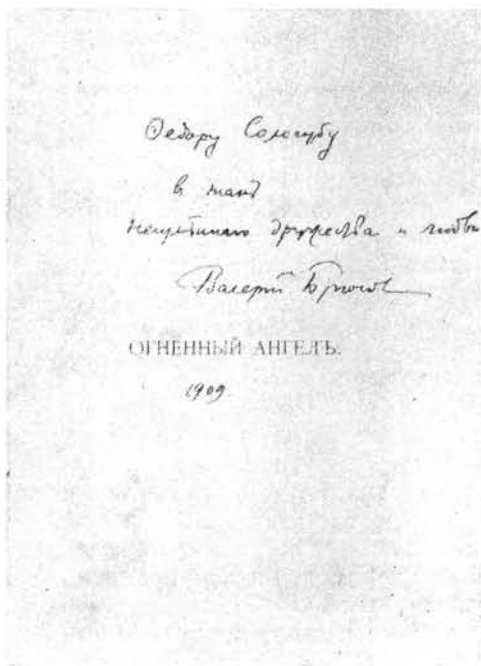
«Москва.» 9 «февраля» 1913.

Многоуважаемая Анастасия Николаевна!

Извиняюсь, что отвечаю вам с таким опозданием: «дела» совершенно меня замучили за эти последние недели. На ваш вопрос я должен ответить определенно, что из состава редакции «Русской мысли» я вышел и редакционного участия в журнале более не принимаю. Кто именно сейчас заведует беллетристическим отделом «Русской мысли», я точно не знаю, но полагаю, что лично П. Б. Струве ¹. Однако, как вы знаете из объявлений, я остаюсь «постоянным» сотрудником журнала, и все, или почти все, что напишу, буду печатать в нем.

Благодарю вас за любопытные сведения, которые вы мне сообщили ². Ни в какой «акмеизм» я, конечно, — как и вы, — не верю, и ничего серьезного в проповеди и притязаниях «акмеистов» не вижу ³. Это не мешает мне, однако, считать Гумилева, Городецкого, Анну Ахматову — поэтами интресными и талантливыми. Ваш «Игорь» мне тоже очень нравится, и в его будущее я верю ⁴.

Преданный вам Валерий Брюсов

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ БРЮСОВА Ф. СОЛОГУБУ

на втором издании романа «Огненный ангел». М., «Скорпион», 1909: «Федору Сологубу в знак неизменного дружества и любви. Валерий Брюсов. 1909»

Литературный музей, Москва

На конверте почт. шт.: Москва, 10.2.13. Дата исправляется по почт. шт., у Брюсова ошибочно: «9 января 1913».

¹ Вопрос об уходе Брюсова из состава редакции «Русской мысли» был решен в ноябре 1912 г. С 1 февраля 1913 г. заведовать литературно-критическим отделом журнала стала Л. Я. Гуревич. О взаимоотношениях Брюсова с «Русской мыслью» см.: «Литературный архив», вып. 5. М.—Л., АН СССР, 1960, стр. 257—348.

² 20 января 1913 г. Чеботаревская писала Брюсову: «Очень неприятен в последнее время «Цех поэтов», который решил очень откровенно обратить на себя внимание и отвлечь его от «старших» (Брюсова, Сологуба, Блока, Иванова). Недавно на вечере «Бродячей собаки» вслух заявляли: «В «Аполлоне» больше не появится *их* ни строки (к счастью, ни вы, ни Федор Кузьмич, кажется, никогда туда и не давали ни строки), а затем во время какой-то предутренней свалки вопили: «Долой Брюсова и всех этих буржуев»(?). Отвращение внушает их саморекламмирование и, наконец, тенденция выдвинуться, ругая тех, по стопам которых они и выкарабкались только на свет божий — все эти Гумилевы (он один из ярых акмеистов), Городецкие, Мандельштамы и пр.» (ГБЛ, ф. 386.107.29).

³ Свое отношение к первым выступлениям акмеистов Брюсов высказал в статье «Новые течения в русской поэзии» (РМ, 1913, № 4, отд. II, стр. 134—142). Отмечая индивидуальное своеобразие стихов Н. Гумилева, А. Ахматовой, С. Городецкого, М. Зенкевича, В. Нарбута, Брюсов не видел «в этих стихотворениях чего-либо общего, выделяющего их в особую группу», не находил ничего, «чем они характерно отличаются от стихов, которые писались и пишутся поэтами, не зачисляемыми в ряды «акмеистов». Подытоживая свои суждения о новой школе, Брюсов заметил: «Мы уверены, или по крайней мере надеемся, что и Н. Гумилев, и С. Городецкий, и А. Ахматова останутся и в будущем хорошими поэтами и будут писать хорошие стихи. Но мы желали бы, чтобы они, все трое, скорее отказались от бесплодного притязания образовывать какую-то школу акмеизма».

⁴ Об отношении Брюсова к Игорю Северянину см. наст. том, стр. 20.—09.

1 Мещанская, 32, Москва.
6 ноября 1913

Многоуважаемая Анастасия Николаевна!

Не знаю, как мне извиниться в том, что я в свое время не откликнулся на ваш любезный призыв¹. По разным причинам я отложил ответ на несколько дней, а потом длительное нездоровье нарушило весь ход моей переписки. Теперь, кажется, мой ответ излишен. Издание обновленного «Глашатая», как мне передавали, не состоится. Во всяком случае верьте моей готовности в другой раз быть вам полезным, чем могу и умею.

Не откажите передать мой дружеский привет Федору Кузьмичу и мою величайшую благодарность, как читателя, ему за изумительные «Жемчужные светила» (которую я до некоторой степени засвидетельствовал несколькими печатными строками)² и за превосходные «Триолеты»³, которые я читаю и перечитываю с неубывающей радостью. Хорошо встречать такие стихи в дни, когда строки, напечатанные стихами, так часто вызывают чувство страха: читать ли! когда наши футуристы⁴, на которых я возлагал столько надежд, занимаются поношением Пушкина, а наш общий друг К. Д. Бальмонт больше времени отдает маорийцам⁵, чем своим чудесным, былым, напевам! Будет ли или не будет «Глашатай», но создать журнал, прежде всего посвященный литературе и особенно поэзии, не кружковский «Гиперборей»⁶, а новые «Весы», это — насущная задача русских писателей наших дней. Москва уже делала много; почему бы теперь не взять почину Петербургу?

Преданный вам Валерий Брюсов

¹ В письме к Брюсову от 20 сентября 1913 г. Чеботаревская сообщала: «Здесь образуется воскресная литературно-театральная газета, ставящая задачей (название газеты «Петербургский глашатай») поддержку новых течений в искусстве и театре» (ГБЛ, 386.107.29). Чеботаревская предлагала Брюсову сотрудничать в газете и просила прислать интервью о целесообразности ее издания.

«Петербургский глашатай» — «резнедельная газета жизни театра, литературы, искусства», орган футуристов, выходила в Петербурге в 1912 г. Прекратила свое существование на четвертом номере. Возобновление издания не было осуществлено.

² «Жемчужные светила» — название XIII тома собрания сочинений Ф. Сологуба (СПб., «Сирин», 1913). Брюсов упоминает об этой книге в статье «Новые течения в русской поэзии»: «Что некоторые из этих, давно любимых нами поэтов, ярко проявивших свое дарование уже десять, пятнадцать и более лет тому назад, сохраняют в полноте творческие силы и способны к новым достижениям — явно доказываются последними стихами А. Блока (в журналах), прекрасными книгами Вяч. Иванова «Нежная тайна» и М. Кузьмина «Осенние озера» и особенно XIII томом собрания сочинений Ф. Сологуба, где все стихи, относящиеся к годам 1898—1911, изумляют сосредоточенной глубиной мысли и чувства и исполнены с мастерством исключительным» (РМ, 1913, № 8, отд. II, стр. 71).

³ «Триолеты» — цикл стихотворений Сологуба «Очарования земли», посвященный Чеботаревской, был напечатан в первом сборнике «Сирин» (СПб., 1913).

⁴ Свой взгляд на футуризм Брюсов выразил в статье «Новые течения в русской поэзии» (РМ, 1913, № 3, отд. II, стр. 124—133, № 8, отд. II, стр. 71—80). Он считал, что в протесте футуристов «есть своя правда, поскольку они восстают против того «общего места», к которому начинает склоняться наша поэзия за последние годы». Положительную сторону футуризма Брюсов видел в том, что «футуризм, как доктрина», призывает «к воплощению в поэзии современной жизни (т. е. к непосредственным наблюдениям) и к новой работе над словом (т. е. к расширению словаря, к совершенствованию ритмов и т. п.)». Находя, что пока своеобразие футуристической поэзии «сказывается исключительно в особенностях словесного выражения», Брюсов к словесным новшествам новой школы отнесся критически. Однако он выразил надежду, «что крайности нового движения с течением времени отпадут, что они будут вырваны самими футуристами, как случайные плевелы; а зерна чего-то нового, что, по-видимому, есть в футуризме, вырастут в настоящие цветы. Разумеется, это может быть лишь в том случае, если поэты новой школы станут работать над своим весенним садом и прежде всего откажутся от своего желания сбрасывать с «парохода современности» «Пушкина и проч.», что ведет их, между прочим, к открытию уже давно открытого».

⁵ Маорийцы — коренное население островов Новой Зеландии. В 1912 г. Бальмонт совершил кругосветное путешествие, во время которого посетил также Новую Зеландию и Полинезию. В 1912—1913 гг. в газетах и журналах появлялись отдельные стихотворения Бальмонта о «стране Маори» (см., например, «Заветы», 1912, № 9, стр. 5).

⁶ «Гиперборей» — «ежемесячник стихов и критики», орган «Цеха поэтов» (СПб., 1912—1913, № 1—10). Редактор-издатель М. Л. Лозинский. Журнал имел ярко выраженный характер группового органа акмеистов.

А. Е. Г Р У З И Н С К О М У

Алексей Евгеньевич *Грузинский* (1858—1930) — историк литературы, переводчик, профессор Московского университета и Высших женских курсов. С 1896 г. — действительный член Общества любителей российской словесности при Московском университете, с 1905 г. по 1909 г. исполняет обязанности председателя, а с конца 1909 г. по 1922 г. является председателем Общества. При его участии подготовлена пятитомная «История русской литературы XIX века» (изд. «Мир», 1908—1910). Редактировал «Библиотеку европейских классиков» в издательстве «Окто». После Октября участвовал в подготовке Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого в 90 томах. Грузинский переводил на русский язык произведения Фирдоуси, Низами, А. Мюссе, Р. Тагора, арабские сказки. Большое место в его наследии занимают статьи по русской литературе XVIII и XIX вв., древнерусской литературе, работы о творчестве Данте, Шекспира и др. Брюсов был связан с Грузинским по Обществу любителей российской словесности, членом которого поэт состоял с ноября 1906 г. Вместе с ним принимал участие в работе Пушкинской и Гоголевской юбилейных комиссий. Грузинский пригласил Брюсова участвовать в пятитомной «Истории русской литературы XIX века» (Брюсову принадлежат здесь статьи о К. Случевском и К. Фсфанове). По предложению Грузинского поэт создает новый перевод баллады Ф. Шиллера «Ивиковы журавли» для Собрания сочинений Ф. Шиллера в двух томах, выпущенного в 1913 г. издательством «Окто».

Письма Брюсова к Грузинскому хранятся в ЦГАЛИ, ф. 126, оп. 1, ед. хр. 123 (8 писем, 1903—1913). Публикуемое письмо — автограф. В архиве Брюсова (ГБЛ, ф. 386. 84.15) сохранилось 6 писем Грузинского к нему (1908—1918; одно из них от имени Общества любителей российской словесности).

(Москва.) 22 сентября 1913 г.

Многоуважаемый Алексей Евгеньевич!

Благодарю вас за указания неудачных выражений в моем переводе «Ивиковых журавлей»¹. Кое-что, кажется, мне удалось исправить.

Строфа VI. Вы подчеркнули слово: «Ужасный голос журавлей». Но в подлиннике:

Die nahen Stimmen furchtbar krähn...

Теперь я переделал это так:

Он — грозный оклик журавлей.

Можно еще так:

Он — крик зловеший журавлей.

Или, наконец:

(страшный)

Он — грозный голос журавлей.

Правда, слово «голос» стоит в следующем стихе, но и в подлиннике *Stimme* — дважды. Тотчас читаем:

Wenn keine andre Stimme spricht...

Теперь я вставил в этот стих вполне здесь необходимое слово «голос»:

(Не слышу *голосов* других!)

и можно в предыдущем стихе его тоже оставить, т. е.:

Он — грозный *голос* журавлей.

Предоставляю вам выбрать — этот вариант или тот, что в моем новом тексте.

Строфа VII ². Не столько смущало меня слово «труп» на слабом месте стопы, сколько сходство первого стиха, как и всей строфы, с переводом Жуковского, — притом сходство, не созданное буквальностью перевода. Поэтому я переделал всю строфу. В стихе 4 удалось вставить слово «любимого лица»:

Die Züge, die ihm *teuer* sind...

В конце строфы, сохранив «Твоею славой озарен» (*Bestrahlt von seines Ruhmes Glanz*) и расположение стихов подлинника, я теперь сумел избежать совпадения с переводом Жуковского ³. Стих 5, по выражению, иной, чем у Шиллера, но смысл, кажется, тот же. Можно было сказать:

Так вот как свиделись мы снова!

Но рифмовать «снова» — «сосновый» я себя не считаю вправе!

Строфы VII—VIII предлагаю *набрать вновь*; иначе неизбежно выйдет какая-нибудь путаница!

В строфе XV я не нашел замены для стиха:

Звучит, в костях *мозг* иссушая...

Ударяемое слово (односложное) на неударной части стопы я лично признаю допустимым. Но, конечно, это мое личное мнение мало уместно в переводе из Шиллера, который этого избегал. Однако стих передает подлинник точно и не хочется отступать от верного перевода ради соображения чисто ритмического, да еще спорного.

В строфе XVII «на свете» было очень не хорошо. Я изменил все четверостишие ⁴. Оно стало, может быть, менее красивым, но точнее передает подлинник:

Geflügelt sind wir *da*...

«наземь он упал и *в тьму*» тоже было не хорошо; теперь проще и легче.

В строфе XIX вам не понравилось:

Как судия бдит на земле —

по той же причине, как выше «мозг». Я опять оставил и это выражение, по тем же соображениям. Добавлю еще, что неточность ритма смягчается тем обстоятельством, что в следующей стопе, в обоих случаях, ударение второстепенное:

Как судия бдит на земле

○ ○ ○ / ○ ○ ○ /

≡

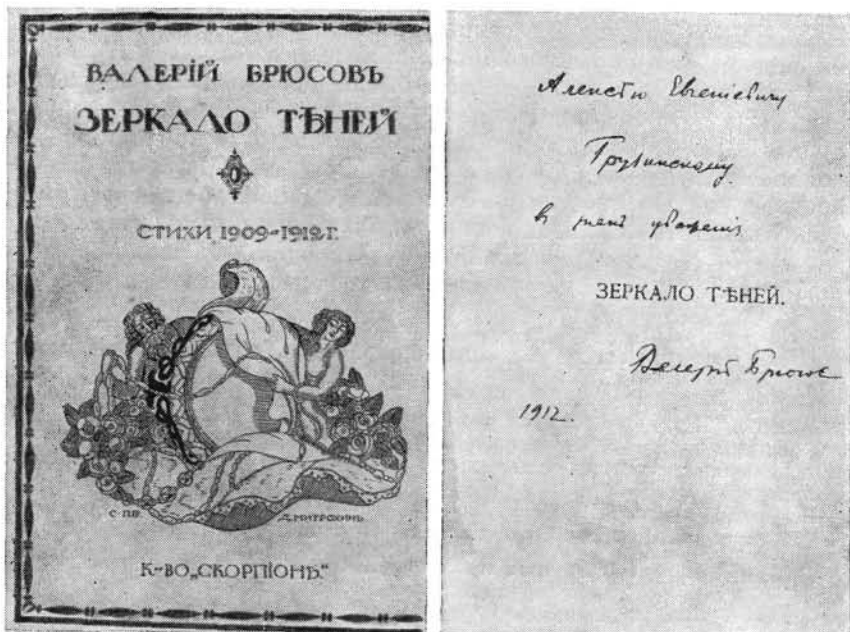
Звучит, в костях *мозг* иссушая

○ / ○ / ○ ○ ○ /

≡

В строфе XXII (предпоследней) стих:

Отмщенье за певца готово! —

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ БРЮСОВА А. Е. ГРУЗИНСКОМУ

на книге: «Зеркало теней». М., «Скорпион», 1912: «Алексею Евгеньевичу Грузинскому
в знак уважения. Валерий Брюсов. 1912»
Литературный музей, Москва

конечно, недопустим, потому что целиком заимствован у Жуковского, тогда как у Шиллера:

Der fromme Dichter wird gerochen!

Сознаюсь, своей заменой я не очень доволен. «Не быть убийству *без отчета*» — выражение не вполне русское. Я было думал сказать:

Отмстим мы за певца *святого!*
Себя убийца выдал сам!
Пусть будет взят, кто молвил слово,
И — кто внимал его словам [речам]!

Сомневаюсь, однако, чтобы уместно было сказать «святого» (да это и не то, что fromme!) Еще приходил мне на мысль такой перевод:

Отмщен певец смиренный будет!
Пусть будет взят, кто говорил
И кто внимал! Их суд рассудит!
Себя убийца сам открыл!

Но такое расположение стихов и явно не соответствует подлиннику и, главное, крайне ослабляет энергию речи. «Убийца себя выдал» — это первая мысль. «Взять и судить говоривших» — это *непрерывно* вторая и заключительная мысль толпы.

Я поискал бы других замен, но ваше примечание на корректуре не позволяет медлить ⁵.

Извиняюсь очень за небрежности этого письма: приходится писать подробно о разных мелочах, а я принужден спешить.

Уважающий вас Валерий Брюсов

Р. С. Я не забыл нашей весенней беседы о переводе Данте. В настоящее время у меня есть больше возможностей взяться за этот «титанический» труд, потому что (как вы, может быть, слышали) издание моего Пушкина отложено на неопределенное время, во всяком случае на несколько лет⁶. Не решаюсь все же сказать определенно, что я готов предпринять перевод Данте: надо еще и еще, и не раз, обдумать этот вопрос, прежде чем ответить утвердительно. Но мне хотелось бы знать, не изменило ли своего намерения книгоиздательство. Если оно еще думает предпринять издание Данте и еще не имеет другого переводчика, я буду продолжать свои пробы и опыты и, может быть, найду в себе отвагу взяться за это дело⁷.

В. Б.

Р. Р. С. Очень прошу в издании разделить «Ивиковых журавлей» на строфы!

¹ В архиве Брюсова имеются черновики перевода (ГБЛ, ф. 386.23.21). Начало работы над ним относится к декабрю 1911 г., о чем свидетельствует приписка Брюсова в черновом наброске заключительных строф баллады: «1911, вечер 4 декабря и вечер 5 декабря».

² В автографе описки: строфа VIII.

³ VII строфа в переводе Брюсова первоначально звучала так:

И труп находят искаженный
Он в страшных ранах обнаженный
Узнал коринфский друг певца.
Узнал черты его лица.
Так вот что будет нам свиданьем!
А на тебя я мнил, певец,
Сам озарен твоим сияньем
Сосновый возложить венец!

У Жуковского она имела вид:

И труп узрели обнаженный:
Рукой убийцы искажены
Черты прекрасного лица.
Коринфский друг узнал певца
«И ты ль недвижим предо мною?»
И на главу твою, певец,
Я мнил торжественной рукою
Сосновый возложить венец».

Окончательный текст брюсовского перевода следующий:

Труп обнаженный разыскали;
Хоть раны тело искажали,
Узнал коринфский друг певца
Черты любимого лица.
«Вот что готовил рок суровый!
А я мечтал, под гул племен,
Тебе вручить венок сосновый,
Твоею славой озарен!»

⁴ Первые четыре стиха XVII строфы, от которых Брюсову впоследствии пришлось отказаться, были таковы:

Он в бегстве мнит спастись на свете,
Но мы крылаты; наши сети
Мы бросим на ноги ему,
Чтоб на-земь он упал и в тьму!

⁵ Через несколько дней Брюсов радикально меняет перевод последних четырех стихов (5—8) XXII строфы, о чем и сообщает в письме Грузинскому от 26 сентября 1913 г.: «Высылаю вам перевод четверостишия, о котором мы говорили вчера. Новая редакция мне кажется удачнее всех предыдущих. Она достаточно точно передает подлинник и достаточно далека от перевода Жуковского» (ЦГАЛИ, ф. 126, оп. 1, ед. хр. 123). Теперь последние четыре строки читались:

...От казни не уйдет убивший,
Себя злодей изобличил!
Пусть будет взят и говоривший
И тот, кому он говорил!

П. С. КОГАН

Рисунок К. Ф. Юона. Карандаш,
1923

Литературный музей, Москва

⁶ Имеется в виду собрание сочинений Пушкина в серии «Библиотека русских писателей» издательства «Деятель», над которым Брюсов работал с перерывами с октября 1910 г. по сентябрь 1913 г. Запоздание с подготовкой материала к печати, дороговизна всей серии «Библиотеки русских писателей», внутренние издательские разногласия и конкуренция заставили фирму «Деятель» отказаться от этого издания, о чем Брюсова известил главный редактор серии Е. В. Аничков.

⁷ Речь идет о переводе Данте для книгоиздательства «Окто». В письме к Грузинскому от 26 сентября 1913 г. Брюсов писал: «Перевод I песни «Ада» надеюсь выслать вам на этих днях» (ЦГАЛИ, ф. 126, оп. 1, ед. хр. 123). Издание «Божественной Комедии» в издательстве «Окто» не осуществилось. Брюсовский перевод I песни «Ада» см.: *Избр. соч.* 1955, т. 2, стр. 19—23.

П. С. КОГАНУ

Петр Семенович *Коган* (1872—1932) — историк литературы и критик. С 1910 г. приват-доцент Петербургского университета. После Октябрьской революции — профессор 1-го и 2-го МГУ, председатель научно-художественной секции ГУСа Наркомпроса. С 1921 г. — президент Государственной Академии художественных наук.

Коган и Брюсов познакомились на студенческой скамье в 1890-е годы: оба они учились на историко-филологическом факультете Московского университета. В советское время они сотрудничали и в Наркомпросе и в ВЛХИ, в котором Коган был профессором и членом правления.

Коган писал о Брюсове в своих «Очерках по истории новейшей русской литературы» (т. III, вып. 2. М., 1910), в книге «Литература этих лет» (Иваново-Вознесенск, 1924) и в статьях-некрологах («Известия», 1924, № 232, 10 октября, и «Молодая гвардия», 1924, № 9).

Письма Брюсова к Когану хранятся в ЦГАЛИ, ф. 237, оп. 1, ед. хр. 15 (3 письма, 1921—1922). Печатаемое здесь письмо — автограф. В архиве Брюсова (ГБЛ) сохранилось также 6 писем Когана к нему (1897, 1922—1924). Одно письмо (1923) с поздравлением по поводу 50-летия напечатано в сборнике «Валерию Брюсову», под ред. Когана (М., 1924).

8 ноября 1922.

Многоуважаемый Петр Семенович!

Последние дни мне не удавалось вас видеть: сначала я был болен, сегодня — не было вас в институте, где я рассчитывал вас встретить.

Вот в чем состоит основная моя просьба, ради которой я особенно вас искал:

Случилось так, что по разным обстоятельствам в нашем институте в этом году замедлилось начало всех курсов по общ.-политическим наукам. Студенты 1-го курса остаются без надлежащего руководства в этой области. Между тем читаются курсы «логики» (М. Григорьев ¹) и «историч. поэтики» (Якобсон ²), в которых лекторы, поневоле, касаются вопросов, связанных с историей философии. И Григорьев, и Якобсон, как вы знаете, — не марксисты. Является настоятельная необходимость спешно начать курс, которым студенты 1-го курса были бы определенно введены в круг воззрений исторического материализма.

Отсюда ясна моя просьба, и очень-очень убедительная. Не можете ли вы немедленно начать ваш курс ист. материализма? Это, повторяю, крайне необходимо. Если вы не можете в этом триместре вести 2 курса, я предпочел бы, чтобы вы временно отложили «Введение в историю зап. литератур», но прочли бы хотя бы несколько лекций по историч. материализму. Или же, если это противоречит вашему плану этого курса, вы, может быть, нашли бы возможным (хотя бы в ваши же часы) прочесть 3—4 отдельных лекции, в которых осветили бы явления философии, особенно теорию познания, с точки зрения марксизма. Для вас это не трудно, соответствующие работы, конечно, у вас под рукой, а институту это *чрезвычайно нужно*. Итак, еще раз очень и очень прошу вас об этом.

Уважающий вас Валерий Брюсов

¹ Михаил Степанович Григорьев (р. 1890) — литературовед. С 1922 г. — профессор и проректор по учебной части ВЛХИ, читал там курсы логики, психологии и вел семинар по психологии творчества. Основные труды Григорьева посвящены драматургии Чехова, Горького и вопросам теории литературы. В своих ранних работах («Введение в поэтику», ч. I. М., 1924, и др.) стоял на позициях «психологической школы» в литературоведении.

² Лев Георгиевич Якобсон — литературовед, автор работ об «исторической поэтике» А. Н. Веселовского.